84-917
1539м
МК 4-8°
64Г
А 00
3 22

Гомес, М. А. П. де

2-й экз.

Ms. 534.

ДѢЙСТВІЯ ДРУЖБЫ,

переведены

сЪ

ФРАНЦУССКАГО ЯЗЫКА.

Библ. № 2 9 98/113

Печатаны при Императорскомъ
Московскомъ Университетѣ
1764. года.

Государственная ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА
96210-49

ДѢЙСТВІЯ ДРУЖБЫ.

ПОГАШ

* * *

Всѣ люди знаютъ, что дружба есть союзъ, основанїе и подпора гражданскаго общества; знаютъ, что она есть такое движенїе, которое побуждаетъ другъ друга охранять, другъ другу помогать, другъ другу служить, и то безъ всякаго намѣренїя, кромѣ собственнаго удовольствїя въ сихъ дѣлахъ. Однакожъ нѣтъ ничего рѣжѣ

истиннаго друга, и нѣтъ ничего обыкновеннѣе, какъ почитать и называть человѣка другомъ. Дружба въ нынѣшнія времена, есть только простое нарѣчіе, составъ прелестныхъ словъ, которыя самолюбіе произноситъ, для изъявленія того, что мы чувствуемъ, дабы тѣмъ и другаго понудить тоже почувствовать. Называемся друзьями, дабы приобрѣсть друзей, а однакожъ для сохраненія приобрѣтеннаго сердца ничего не дѣлаемъ.

Предъ симъ нещастливые въ страданіяхъ своихъ и злополучіяхъ, находили жалостныя сердца, и помощныя руки. Много и нынѣ нещастливыхъ, но нѣтъ уже друзей; каждой хвастаетъ быть другомъ, каждой хвастаетъ знать должности дружбы, но никто не старается ихъ исполнять. И такъ поищемъ въ древности примѣра, которой бы въ сочиненіи былъ возбудить въ насъ

толь

толь нужное роду человѣческому движенїе. И понеже человѣкъ еще таковъ же, каковъ былъ прежде, то докажемъ, что онъ и нынѣ тоже дѣлать можетъ, что прежде сего дѣлать былъ въ состоянїи.

Публїй Квинтъ Фулцїй, знатной римлянинъ, которой посреди двора Августа Императора сохранялъ древнюю вольность республики, былъ любимъ какъ большими, такъ и малыми. Онъ имѣлъ одного сына и дочь, кои не меньше по добродѣтелямъ своимъ, какъ и по крóви были ему любезны. Титъ и Фулвїя, достигнувъ до разумныхъ лѣтъ, показывали въ себѣ все то, что естество, разумъ и красота пріятнаго въ себѣ имѣютъ. Фулвїя, какъ римлянка, воспитанная отъ добродѣтельной матери, была утѣшенїемъ отца своего, а Титъ часто подавалъ ему случай благодарить бога за его рожденїе. А дабы его еще совершен-

нѣе здѣлать, и столько же населить почтенїя въ немъ къ своему отечеству, сколько онъ имѣлъ, то послалъ его въ Аѳины учиться у славнаго Аристиппа. Но какъ онъ еще былъ очень молодъ, и самъ собою управлять не могъ, то поручилъ его смотренїю Кремеса, добродѣтельнаго и почтеннаго Грека, съ которымъ въ путешествїяхъ своихъ въ Грецїю утверждалъ тѣсную дружбу. При отъѣздѣ Фулвїи, приказалъ Титу почитать Кремеса, какъ втораго отца, и съ дѣтьми его жить такъ какъ съ своими братьями. Молодой Римлянинъ привыкши къ повиновенїю, поѣхалъ въ Аѳины съ тѣмъ намѣренїемъ, чтобъ наистрожайше волю отца своего исполнить. Мудрой Грекъ принялъ его такъ что онъ въ намѣренїи своемъ еще болѣе утвердился; но преизрядныя свойства молодаго Гизиппа, сына его, еще болѣе его къ тому влекли.

Ни-

Никогда не бывала дружба толь скора, и толь тверда, какову они въ первой мигъ въ сердцахъ своихъ другъ къ другу почувствовали. Молодымъ римляниномъ восхищенный Гизиппъ думалъ, что ничего въ Греціи нѣтъ ему подобнаго, а Титъ чаялъ, что нѣтъ въ римѣ ни одного мущины, которой бы Гизиппу во всемъ не уступалъ. Толь полезное предразсужденіе одного о другомъ весьма скоро произвело почитаніе и дружбу. Они полюбили другъ друга, и клялись другъ другу вѣчною дружбою. Кремесъ, присутствуя при семъ первомъ свиданіи, и не смотря на отсутствіе и отдаленіе Фулвіево, еще искренне его любя, весьма обрадовался, увидя движенія въ Титѣ и Гизиппѣ толь сходственны съ своими, далъ знать имъ о томъ свое удовольствіе, и заклялъ ихъ, чтобъ они никогда не прерывали сего прекраснаго союза.

Сіи новые друзья увѣрили его въ томъ и предписали себѣ пріятнымъ закономъ, чтобъ соглашаться его намѣреніямъ. Съ сего дня стали они не разлучны, и какъ воля одного, была воля другова, то ни одинъ ничего не дѣлалъ, о чемъ бы не увѣдомилъ другова. Увеселенія, упражненія, знакомства, бесѣды, забавы, досады, все дѣлали вмѣстѣ. Кто Гизипповой хотѣлъ любви, тотъ долженъ былъ любить Тита, а Титу тотъ отнюдь не нравился, кто не любилъ Гизиппа. И само щастіе соглашалось ихъ намѣренію, по которому они одинъ безъ другова ничего дѣлать не хотѣли. Еще до Титова пріѣзда въ Аѳины, избралъ Кремесъ Аристиппа учителемъ своему сыну, и радость сихъ молодыхъ друзей тѣмъ наипаче умножилась, когда они узнали, что и при важныхъ упражненіяхъ своихъ будутъ они неразлучны. Аристиппъ обрѣлъ въ двухъ ученикахъ своихъ такія

такія изрядныя свóйства, что на ученіе ихъ употреблялъ всю свою прилѣжность; и какъ Греки чрезвычайное почтеніе имѣютъ къ тѣмъ, которые никогда не преступаютъ законовъ дружбы, то Аристиппъ почиталъ себѣ за честь подкрѣплять Титову и Гизиппову склонность, простирая главныя наставленія свои на должности двухъ истинныхъ друзей. Ученіемъ его такъ они пользовались, что всѣ Аѳины имъ удивлялися.

Во всѣхъ домахъ представляли ихъ примѣромъ, и каждой желалъ, чтобъ его сыновья, братья или сродники обхожденіемъ ихъ пользоваться могли. Не меньше прославились они и въ Наукахъ, а особливо въ Философіи, въ которой Аристиппъ ихъ наиприлѣжнѣйше обучалъ. На конецъ здѣлались ихъ имена знатными, и начали возбуждать зависть въ тѣхъ, кои имъ подражать не могли. Въ самое то время Кремесъ, Гизипповъ

отецъ занемогъ, и къ несказанной горести обѣихъ друзей, умеръ. Великое имѣніе, которое онъ сыну своему оставилъ, не могло его долгое время утѣшить о семъ лишеніи; одна только любовь къ Титу принудила его умѣрить печаль свою, ибо сей другъ такое чувствительное въ ней принималъ участіе, что всякой, увидя его, почелъ бы, что и онъ отца лишился. Печаль сихъ двухъ друзей чувствительна была всему городу, и всякой старался оную прогнать разными веселостьми; а какъ Аристиппъ былъ не такой суровой и строгой Философъ, которые въ отверженіи и наинеповиннѣйшихъ забавъ премудрости ищутъ, то не хотѣлъ онъ быть послѣднимъ утѣшителемъ учениковъ своихъ. Онъ зналъ, что для прогнанія тоски ничто такъ не удобно, какъ пріятная бесѣда, и что онъ въ домѣ своемъ имѣетъ такое сокровище, которое можетъ истре-

бить

бить печальныя мысли, чего ради намѣрился тѣмъ развеселить сихъ двухъ друзей. Аристиппъ былъ вдовъ, и не имѣлъ дѣтей, кромѣ одной дочери, въ коей наидрагоцѣннѣйшія дарованія совокуплены были. Чрезвычайная красота ея еще далеко не сравнивалась съ ея душевными качествами; и ея отецъ, съ самаго младенчества ея познавъ оныя, столько приложилъ труда, вліянемъ вышней премудрости ихъ совершенными здѣлать, что она тогда на семнатцатомъ году уже чудомъ науки и добродѣтели слыла. Сію прекрасную дѣвицу звали Софроніею, и жила она въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Аѳинъ въ деревнѣ, гдѣ Аристиппъ часто отъ трудовъ своихъ имѣлъ отдохновеніе; и въ семъ покойномъ и пріятномъ мѣстѣ наслаждался рѣдкими добродѣтелями любезной дочери своей, украшенной тѣмъ свободнымъ и пріятнымъ поступкомъ, которой почти никогда съ ученостію

стію вмѣстѣ не бываетъ, и которой однакожъ только одинъ сіяніе ея можетъ сноснымъ здѣлать.

Софронія была прекрасна, добродѣтельна, учена, и Философка, а однакожъ и жалостлива, унижена и кротости исполненна. Довольна была своею наукою; никогда оною преимущества предъ другими не искала, но ограниченіемъ себя часто употребляла оную для возвышенія другихъ. Изъ любви къ ученію предпочла она неповинное деревенское жилїе городскому беспокойству, и пріѣжжала въ Аѳины только въ торжественные дни, когда ей того миновать было не можно. Но какъ Аристиппъ не намѣренъ былъ лишить ея тѣхъ веселостей, кои юности сродными быть казались, то познакомилъ ея съ знатнѣйшими Аѳинскими госпожами, которыя попеременно ея посѣщали, и иногда привозили съ собою самыхъ ученыхъ Гре-

Грековъ, которые съ сею ученою дѣвицею разговаривать не стыдились. Такіе разговоры не оставались въ забвеніи; каждой старался пересказать ихъ тѣмъ, кои ихъ не слыхали, и прекрасная Софронія стала весьма скоро у всѣхъ Аѳинскихъ жителей въ удивленіи и въ похвалѣ. Хотя она съ не многими обходилась, однакожъ по славѣ ея многіе себѣ въ замужство ея желали. Аристиппъ не хотя ея принудить, желалъ и самъ, чтобъ она избрала себѣ супруга; но видя, что ни отвращенія ея ко всѣмъ молодымъ людямъ преодолѣть, ниже склонить ея можетъ ихъ до себя допускать, принужденъ былъ всѣмъ тѣмъ отказывать, которые получить ея надѣяться могли.

Въ сіе то время пріѣхалъ Титъ въ Аѳины, и вмѣстѣ съ Гизиппомъ здѣлался его ученикомъ. Достоинства ихъ и успѣхъ въ Наукахъ часто подавали Аристиппу случай говорить

объ

объ нихъ съ своею дочерію. Совершенное сихъ двухъ друзей согласіе, о которомъ онъ безпрестанно ей твердилъ, возбудило въ ней хорошее объ нихъ мнѣніе, увѣряя ея, что при такой основательной дружбѣ, не могутъ они имѣть свойственныхъ пороковъ, юности которая почти всегда непостоянна, легкомысленна и вѣтренна, которая не знаетъ иныхъ удовольствій, какъ въ премѣненіи предметовъ, и наималѣйшимъ благопристойностяхъ, коихъ вѣжливое обхожденіе требуетъ, подвергнуть себѣ не можетъ; по томъ по Аристиппову описанію ихъ прекрасныхъ свойствъ нрава, добродѣтельныхъ мыслей, и благородныхъ чувствій, возбудилось въ ней любопытство, которое скоро принудило ея отцу своему признаться, чтобы она съ удовольствіемъ ихъ у себя видѣла.

Симъ признаніемъ весьма обрадованный Аристиппъ, надѣясь, что Ги-

Гизиппъ, коего богатство ему было извѣстно, плѣнилъ сердце прекрасной его дочери, намѣрился было его къ ней привести, но Кремесова смерть воспрепятствовала на нѣсколько времени его намѣренію. А какъ пришло то время, которое первой печали посвятить было должно, и онъ усмотрѣлъ, что Гизиппова и Титова печаль обратилась въ задумчивость, то для извлеченія ихъ изъ оной, почелъ онъ за надежнѣйшее средство пріятную бесѣду, которая бы и увеселеніе и достойное склонности ихъ упражненіе имъ произвести могла; а какъ отечество въ сердцахъ человѣческихъ всегда нѣкоторое преимущество имѣетъ, то и открылъ онъ наперед Гизиппу, что Софронія желаетъ съ ними познакомиться.

Молодой Грекъ часто уже слыхалъ похвалу о сей ученой дѣвицѣ, и его сердце чувствовало уже къ ней

тайное почтеніе; но зная, что ученику отъ учителя своего ничего требовать не должно, и вѣдая сверьхъ того, что никакой мущина въ его мѣстѣ не имѣлъ позволенія къ ней ходить, слушалъ объ ней только, не показывая ни малѣйшаго любопытства. Пріѣздъ Титовъ, дружба ихъ, и великая къ ученію прилѣжность привели ему со всѣмъ въ забвеніе распространившуюся о Софроніи славу. Но какъ скоро Аристиппъ ему объявилъ, что хочетъ показать ему такую честь, въ которой знатнѣйшимъ молодымъ Аѳинянамъ отказывалъ, то возобновились паки прежнія его воображенія, и принялъ сіе предпочтеніе съ такую чрезвычайною радостію, которой преодолѣть не могъ, и которую однакожъ почиталъ только за дѣйствіе того преимущества, коимъ Аристиппова дружба его почтила.

А какъ онъ не могъ вкушать никакого истиннаго удовольствія, естьли

естьли онаго не раздѣлялъ съ Титомъ, то просилъ Аристиппа, чтобъ и его онъ взялъ съ собою. Аристиппъ тѣмъ охотнѣе на то согласился, что и безъ того ужѣ сіе намѣреніе имѣлъ, а только изъ естественной склонности напередъ Греку о томъ далъ знать. Особливое почтеніе, которое онъ имѣлъ къ Титу, не позволяло ему разлучить его съ Гизиппомъ въ такомъ случаѣ, при которомъ оное ему доказать могъ, а особливо почитая себѣ за славу представить глазамъ римлянина такую дѣвицу, которая не только съ римскими красавицами сравнена быть, но и превзойти ихъ могла; для того обнадежилъ Гизиппа, что Софронія рада будетъ видѣть Тита, и сказалъ, чтобъ онъ завтра къ ней ѣхать готовился. Гизиппъ былъ вспыльчивъ, горячъ, честолюбивъ, не премѣненъ въ своихъ намѣреніяхъ, а въ пріятіи ихъ безразсуденъ и скоръ; его тем-

перамент, къ забавамъ склонной, дѣлалъ его любителемъ новости во всѣхъ дѣлахъ, хотя на оные взиралъ равнодушно; а считая и знакомство съ Софроніею въ числѣ оныхъ, а желаніе видѣть ученую дѣвицу, почитая только за побужденіе своего любопытства, разстался съ Аристиппомъ въ великой нетерпѣливости, чтобъ скоряе увѣдомить Тита о такомъ приключеніи, которое толь пріятнымъ себѣ воображалъ. Побѣжалъ его искать, и нашедъ одного въ саду, подошелъ къ нему съ веселымъ лицемъ, чемъ сего молодаго Римлянина вѣрить заставилъ, что ему конечно нѣчто весьма пріятное приключилось, ибо по Кремесовой кончинѣ, онъ еще никогда его такова не видалъ.

Какую радостную вѣсть принесъ ты мнѣ, любезной Гизиппъ, говорилъ онъ ему? Щастливая перемѣна, которую я въ тебѣ вижу, пред-

предвѣщаетъ мнѣ много добраго, и я ласкаю себя, что ты видѣвъ, какое участïе я имѣлъ въ твоей печали, не отречешся и радости своей раздѣлить со мною. Конечно не отрекусь, отвѣчалъ Гизиппъ, и съ тѣмъ только намѣренïемъ прерываю твое уединенïе. Знай, дражайшïй Титъ, продолжалъ онъ съ великою радостïю, что Аристиппъ намъ сего дня особливой знакъ даетъ своего почтенïя, за которое мы довольно отблагодарить ему не въ состоянïи. Для тебя какъ для иностранца, а для меня какъ для земляка, оставляетъ онъ противъ всѣхъ наблюдаемую понынѣ строгость, хочетъ познакомить насъ съ своею безпримѣрною дочерïю, и завтра насъ къ ней вести намѣренъ, признаваясь, что сей знакъ дружбы его мнѣ тѣмъ чувствительнѣе, чѣмъ меньше того я отъ него ожидалъ, ибо я зналъ, сколь труденъ былъ ему выборъ тѣхъ, которыхъ онъ вводилъ

въ домъ свой. Однимъ словомъ, дражайшій Типъ, мы увидимъ чудо Грецїи, увидимъ ту дѣвицу, которая, какъ слухъ носится, при безпримѣрной красотѣ весьма учена, и остроумна. Не согласишся ли ты со мною, что сего радостнѣе ничто быть не можетъ?

Едва Гизиппъ открылъ причину своей радости, то Типъ почувствовалъ чрезвычайное безпокойство, не зная для чего объяла его несносная тоска, мысли его со всѣмъ противны были мыслямъ Гизипповымъ, и все сїе приключеніе представляли ему весьма въ иномъ образѣ. Онъ отъ природы былъ не веселаго и постояннаго нрава, и не подумавши ничего не предпринималъ; надобно было важнымъ причинамъ принудить его вдругъ къ чему ни будь намѣриться; и никогда не входилъ онъ ни въ какую забаву, пока не разсмотрѣлъ, не можетъ ли въ ней

быть

быть какой скрытой опасности. При сихъ движенїяхъ, и при тѣхъ, которыя тайно въ сердцѣ его происходили, казался онъ изумленъ, что Гизиппъ, которой еще чувствовалъ кончину отца своего, могъ найти радость и утѣшенїе въ знакомствѣ незнакомой ему особы, а особливо женщины, которая вмѣсто удовольствїя прелестьми своими, мученїя ему произвести можетъ. Углубясь въ сихъ разсужденїяхъ, не отвѣчалъ онъ ничего своему другу, а только смотрѣлъ на него съ такимъ удивленїемъ, которымъ пристыдить его думалъ.

Но молодой Грекъ послѣдовалъ вспыльчивому своему сложенїю. Что это Титъ? сказалъ ему усмѣхаясь, ты ничего не отвѣчаешь? Или тебѣ противна Софронїя; наущилъ ли тебя Фолософїя, чтобъ ты не навидѣлъ тѣхъ, кого не знаешь? Нѣтъ, отвѣчалъ Титъ, но не учитъ она меня

и тому, продолжалъ онъ съ холодностію, чтобъ искать знакомства съ такимъ великимъ желаніемъ, и я не вижу, чтобы прекрасная и ученая женщина было нѣчто толь рѣдкое, чего бы съ такою ревностію искать надлежало; можетъ быть привычка, что я всякой день такихъ видалъ въ Римѣ, производитъ во мнѣ сіе равнодушіе, но ты одолжилъ бы меня, любезной Гизиппъ, естьли бы свободилъ меня отъ знакомства съ Софроніею. Римскія женщины, отвѣчалъ Гизиппъ, много обязаны будутъ тебѣ за то, что ты толь мало любопытствуешь знать нашихъ Гречанокъ; однакожъ во ожиданіи благодарности, ихъ согласись со мною ѣхать къ Аристипповой дочери. Я обѣщалъ тебя привесши, и не могу слова своего перемѣнить безъ обиды отцу и дочери, сверхъ того увѣренъ, что и Публій Фулвій тебѣ не проститъ того, естьли ты Аристиппу тѣмъ досадишь.

Титъ

Типъ не зналъ что отвѣчать, и опказавшь въ томъ чего многіе тщетно искали, показалось ему подлинно весьма не пристойно, чего ради склонился на представленія своего друга; однакожъ досада его тѣмъ не уменьшилась; весь день тотъ проводилъ онъ въ безпокойствѣ и неудовольствіи, и во всю ночь видѣлъ печальные сны. Будучи весьма разуменъ, старался онъ всѣ предьѣщанія преодолѣть, почитая ихъ за неприличную римлянину слабость, и на конецъ принялъ намѣреніе показаться Софроніи, такъ чтобъ какъ отечеству такъ и другу его было не постыдно. Въ семъ намѣреніи засталъ его Гизиппъ, когда заѣхалъ взять его съ собою къ Аристиппу, усмотря при томъ съ удовольствіемъ, что онъ не обычайное ему попеченіе употребилъ въ нарядѣ, которой показывалъ, что онъ понравиться хочетъ. О семъ шутилъ онъ съ нимъ пріятнымъ образомъ,

а молодой Римлянимъ отвѣчалъ ему такъ, что внутреннїя движенїя его тѣмъ не открывались. Поѣхали оба къ Аристиппу, которой принявъ ихъ дружелюбно говорилъ, я возбужу во многихъ зависть, и не знаю какъ оправдится Софронїя предъ Аѳинскимъ юношествомъ, здѣлавъ вамъ такое преимущество.

Оба друзья отвѣтствовали на сїе привѣтствїе съ обыкновенною имъ пріятностїю, послѣ чего Аристиппъ сѣлъ съ ними въ коляску, и поѣхали вмѣстѣ къ Софронїиной пустынѣ. Сїя красавица, зная заранѣе о пріѣздѣ ихъ, приготовила все къ ихъ принятїю. Дорогою Гизиппъ былъ чрезвычайно веселъ, а Титъ принуждалъ себя, чтобъ не показаться печальнымъ. Аристиппъ, которой ѣдучи въ свой увеселительной домъ, оставилъ свою Философїю, подавалъ имъ многїя матерїи, къ показанїю ихъ разума, и путешествїе

сшвїе ихъ было весьма пріятно. На конецъ пріѣхали они, и красота дома подала симъ двумъ друзьямъ первой случай къ изъявленію ихъ радости, оба старались выхвалять оной какъ по прекрасному его положенію, такъ и по хорошему Аристиппову выбору.

Типовы и Гизиповы похвалы еще не окончались, какъ прекрасная Софронїя отца своего встрѣтить вышла, и со всѣми пріятностями своими глазамъ ихъ представилась. Пріѣжжїе вышли изъ коляски, Аристиппъ шолъ въ срединѣ обѣихъ друзей, которые увидя Софронію, тотчасъ говорить перестали, и при зракѣ толикихъ прелестей отъ изумленїя остановились. Гизиппъ, которой не воображалъ себѣ того, что увидѣлъ, былъ тѣмъ пораженъ; а Титъ представляя ея себѣ подлиннѣе, а по тому и опаснѣе, предвидя опасности, коимъ сердце его

при семъ свиданіи могло подвержено быть, и вспомня его предвѣщанія, такъ былъ тѣмъ пронущъ, что ни одного слова выговорить не могъ. И такъ каждой изъ нихъ будучи упражненъ во внупреннихъ своихъ движеніяхъ, не примѣчалъ и спупокъ другова. Софронія была столь прозорлива что усмотрѣла дѣйствіе своей красоты; закрасивѣлась отъ того, и безпокойство ея умножило бы еще больше смущеніе Аристипповыхъ учениковъ, естьли бы сей Философъ началъ прежде ихъ говорить, всѣхъ трехъ отъ того не избавилъ. Типъ и Гизиппъ сказалъ онъ усмѣхаясь, конечно чувствительнѣе при зракъ прекраснаго дома, нежели хороней женщины, по шому что увидя первой не успали выхвалять его пріятности, а въ присутствіи другой шопчасъ замолчали.

Легко слова найти можно, говорилъ Типъ, выхвалять дѣло рукъ чело-

человѣческихъ, но чемъ изобразишь можно то удивленїе, которое твореніе божїе въ насъ вливаетъ? Правда, сказалъ къ тому Гизиппъ, принявъ прежней свой веселой видъ, что о садахъ и зданіяхъ легко мысли свои изъяснить можно, по тому что принужденно хвалить ихъ нѣтъ нужды. Но когда предстоящее глазамъ нашимъ обожить должно, то думаю я что должное почтеніе гораздо лучше изъяснить можно подобострастнымъ молчанїемъ, нежели наипрекраснѣйшими словами. Сіи съ обѣихъ сторонъ учтивыя ласкательства казались Софроніѣ не непрїятны; она отвѣчала на нихъ съ кротостію, однако съ такимъ остроумїемъ, и съ такою прїятностію, что имъ обѣихъ друзей совершенно себѣ поработила. Аристиппъ, которой только смотрѣлъ на свою природную дочь, и которому ничто такъ прїятно не было, какъ слышать должныя ей похвалы, не терпѣливо желая,

свойствà сЪ Гизиппомъ, многими возраженїями и вопросами продолжалъ сей разговоръ.

Молодой Грекъ, безъ всякаго сопротивленїя предавшись любви, отвѣчалъ ему какъ остроумной и влюбившейся человѣкъ, и такъ открылъ страсть свою, что и отецъ и дочь не безъ причины познали, что онъ щастїя своего въ ихъ союзѣ искать не преминетъ. Но чемъ больше радости въ Философѣ возбуждали сїи мысли, тѣмъ больше отчаянїя производили они въ Типѣ. Любовь и его столько же не пощадила, какъ и Гизиппа, и съ начала жизни его никакая страсть не была въ немъ сильна, какъ сїя, которую при первомъ Софронїиномъ взорѣ онъ почувствовалъ.

Въ сей страсти почувствовалъ онъ въ одну минуту все то, что долговременная любовь въ нѣжныхъ люби-

любителяхъ возбудить можетъ ; страхъ и ревнивость одолѣли сердцемъ его , и хотя Гизиппъ не явно открылъ любовь свою , однакожъ почелъ его за соперника , какъ скоро онъ слово сказалъ.

Сіе познаніе ввергло его въ жесточайшую печаль; но онъ какъ умѣлъ скрыть свои движенія , что ни Аристиппъ , ни Гизиппъ оныхъ усмотрѣть не могли. Софронія , не знавъ , что сей пріѣздъ былъ отъ ея отца волѣ противенъ ея поставленная сѣть , и видя , что Греку онъ отмѣнную показываетъ дружбу , старалась съ пѣмъ только , чтобъ угодить отцу своему , и сама показывать ему ласку , а пѣмъ каждой мигъ его любовь , а Типову печаль умножала. По семъ ввелъ Аристиппъ гостей своихъ въ великолѣпную залу , въ которой всѣ сѣли , и разговоръ сталъ порядочнѣе , которой Аристиппъ желая представить ученикамъ всѣ за-

разы

разы дочери своей обратилъ на высокія матеріи, и самые трудные вопросы.

Прекрасная Софронія показала при семъ случаѣ вдругъ и точность своихъ разсужденій, и великое ученіе и пріятность краснорѣчія; но когда она тѣмъ приобрѣла похвалу обѣихъ друзей, то не меньше и сни заслуживали ея удивленіе; разумныя ихъ рѣшенія, умѣренность въ утвержденіи разныхъ мнѣній, почтеніе, которое они другъ другу во время споровъ своихъ показывали, ни мало не преступая при томъ предѣловъ учтивости, угодность, которую они уступая въ спорахъ, другъ другу дѣлали. Хотя часто между собою были не согласны, и скромность, которую они въ наибольшемъ жару споровъ своихъ сохраняли, представляли ей въ нихъ чрезвычайныхъ и всякаго почтенія достойныхъ особъ. Равенство

ихъ

ихъ достоинствъ, удерживало ея вдѣлать между ими различїе, сердце ея не преклонялось ни на шу, ни на другую сторону: оба были они любезны, оба учены, оба добродѣтельны и остроумны, обѣимъ безъ предпочтенїя приписывала она достойную похвалу, и къ обѣимъ равную чувствовала дружбу. Правда, что Титъ по постоянному и нѣжному нраву, которой соглашался съ нравомъ ея, былъ бы ей пріятнѣе, естьли бы выборъ отъ нея зависѣлъ; но не чая, чтобъ они къ ней для выбору пріѣхали, была къ обѣимъ равно ласкова.

Два друга имѣя при семъ случаѣ равныя склонности, почувствовали и равную къ ней любовь; и разрушенїемъ покоя ихъ, вдѣлался день сей достопамятнымъ. Гизиппъ по смѣлому и вспыльчивому своему нраву не могъ преодолѣть себя, чтобъ не показать нѣкоторыхъ искръ

воз-

возгарающаго въ немъ пламени. Аристиппъ усмотрѣлъ то съ радостію, и вниманіе, съ которымъ онъ взиралъ на сію раждающуюся любовь, не допускало его примѣтить Типовой, которому тѣмъ легче оную отъ него скрывать было можно. Но влюбленной Римлянинъ, по собственной страсти своей проникнувъ въ страсть друга своего, и не сомнѣваяся какъ о любви его, такъ и о томъ, чтобъ Аристиппъ Аѳинскаго гражданина не предпочелъ Римлянину, заклялъ себя съ сей минуты къ вѣчному молчанію, твердо намѣрясь прежде умереть, нежели Гизиппу въ любви его хотя мало воспрепятствовать.

Молодой Грекъ, думая на противъ того, что Типъ предопредѣленъ для Римлянки, и безъ особливаго повелѣнія отца своего ни въ какой бракъ не вступитъ, не чаялъ, чтобъ Аристиппова дочь, могла въ немъ

немъ что ни будь возбудить, кромѣ удивленія, а сія мыслъ въ немъ такъ утвердилась, что всегда обращался къ нему, когда противъ какого ни будь поступка, или слова Софроніина ему вниманіе подать хотѣлъ. Влюбленной Гизиппъ желалъ бы, чтобъ сей день никогда не кончился. Часъ отъѣзда его безпокоилъ, и одна только съ Софроніею разлука удобна была въ семъ мѣстѣ произвести ему неудовольствіе. Напротивъ того Титъ, коего любовь каждую минуту умножалась, и ждалъ сего часа съ нетерпѣливостію, и естьли бы не удерживало его то почтеніе, которое онъ къ Аристиппу имѣть былъ долженъ, то возвратился бы онъ безъ него въ Аѳины. На конецъ, какъ уже сей Философъ, и прелестная дочь его для угощенія сихъ двухъ друзей все то истощили, что хорошей вкусъ, благопріятство и великолѣпіе изобрѣсти могутъ, и ночь настала,

то сѣлъ онъ съ Гизиппомъ и Титомъ опять въ свою колясску, и при Софроніи ихъ просилъ, чтобъ они и безъ него къ ней толь часто ѣздили, какъ имъ угодно; ибо сія красавица для благопристойности всегда имѣла при себѣ довольно женщинъ, и для предохраненія добродѣтели своей, никакой больше предосторожности не требовала. Софронія къ словамъ отца своего ничего не сказала, но почтительное молчаніе ея довольно имъ дало знать, что ей пріѣздъ ихъ будетъ пріятенъ. Гизиппъ намѣрился тотчасъ пользоваться симъ позволеніемъ; а нещастной Титъ терзаемъ любовію и дружбою воздыхалъ, что тогоже предпріять не могъ.

Простясь такимъ образомъ съ Софроніею, поѣхали они опять въ Аѳины, и оба друзья пріѣхали домой со всѣмъ съ иными мыслями, нежели изъ онаго выѣхали. А какъ

Ари-

Аристиппъ Гизиппу ничего не далъ знать, желая напередъ вѣдать мнѣнїе дочери своей, но дорóгою отвращалъ шѣ похвалы и благодаренїя, которыя ученики его какъ о рѣдкихъ качествахъ Софронїиныхъ, такъ и за хорошее угощенїе ихъ ему воздавать старались, и обратилъ искусствомъ своимъ разговоръ на общїя, слѣдственно не важныя матерїи; при чемъ погруженный въ мысляхъ своихъ Титъ далъ волю Гизиппу разговаривать съ Аристиппомъ, и весьма мало говорилъ, пока коляска у двора ихъ остановилась.

Аристиппъ, простясь съ учениками своими, поѣхалъ домой весьма доволенъ шѣмъ приемомъ, которой дочь его Гизиппу вдѣлала, и ласкался, что она намѣренїю его, въ избранїи ей его супругомъ, противиться не будетъ. Напротивъ того, оба друзья, какъ скоро получили свободу безъ принужденїя открыть свои

мысли, то упоенный любовію своею Гизиппъ воззрѣвъ на Типа такимъ взоромъ, которой открывалъ внутренность сердца его, ему сказалъ: какъ кажется тебѣ, дражайшій Типъ, естьли что совершеннѣе Софронїи, и жалѣешь ли ты, что узналъ такую несравненную дѣвицу? Какїя пріятности, продолжалъ онъ не дождавъ Типова отвѣта, какїя пріятности! Я пораженъ ими, и чувствую, что безъ нея жить не могу. Признаюсь, любезный другъ, что насильнѣйшая любовь овладѣла сердцемъ моимъ, и чтобы я умеръ, естьли бы опасался имѣлъ причину, что Аристиппъ зятемъ меня принять стрепчится.

Не будетъ нужды тебѣ умирать, отвѣчалъ Типъ; Аристиппъ и Софронїя столько имѣютъ проворливости, что конечно познаютъ Гизипповы достоинства. Типъ выговорилъ сїи слова такимъ премѣннымъ голо-

голосомъ, и съ такимъ печальнымъ лицемъ, что Гизиппъ, не смотря на страсть свою, то примѣтилъ.

Что тебѣ здѣлалось, любезный Титъ? спросилъ у него, ты мнѣ весьма смутнымъ кажешся. Титъ будучи не въ состоянїи продолжать сей разговоръ, взялъ случай его пресѣчь: я не очень здоровъ, отвѣчалъ ему, и во весь день не знаю что былъ не веселъ. Прїятныя твои упражненїя не допускали тебя то примѣтить, но я чаю, что Аристиппъ и Софронїя не очень мною были довольны. Позволь мнѣ итти спать, можетъ быть нѣсколько покою облегчитъ болѣзнь мою.

Сїи слова напомнили молодому Греку, что Титъ подлинно во весь день былъ смущенъ, и выговоръ его очень ему чувствителенъ. Дражайшїй Титъ, говорилъ онъ его обнявъ, прекрати небреженїе мое тѣмъ новымъ движенїямъ, которыя я въ сей день почувствовалъ: но сколь ни

сильны они, ни мало однакожъ не умѣньшали совершенной моей къ тебѣ дружбы, свидѣтелствуюсь богами, что мнѣ Титъ столько милъ, какъ Софронія, и что мнѣ не возможно быть щастливымъ, естьли бы дружба одного не соединялась съ любовію другой. Поди, любезной другъ, старайся сномъ возстановить твое здоровье, которое мнѣ въ тысячу разъ драгоцѣннѣе моей жизни. Искренній римлянинъ отвѣтствовалъ на сіе только вздохами, коихъ удержать не могъ; а Гизиппъ молчаніемъ увѣренъ во мнѣніи о его болѣзни, проводилъ его, и пошелъ по томъ къ себѣ, дабы имѣть удовольствіе въ совершенной свободѣ думать о Софроніи, хотя не могъ умѣнить того съ чаемымъ увеселеніемъ, ибо дружба его къ Титу прерывала удовольствіе сіе безпокойствомъ, и напрягшіяся ея воображенія, коими любовь ему ласкала, смѣшивала съ нѣкоторою горестію.

Въ

Въ тоже самое время нещастной Титъ плашилъ весьма дорого за опѣмлемой покой у своего друга. Сей молодой римлянинъ, спараясь добродѣтелію преодолѣть любовь свою, и будучи толь вѣрной другъ, сколь нѣжной любитель, препроводилъ ночь въ наижесточайшемъ смятеніи. Сефронія представляясь мыслямъ его со всѣми своими пріятностями, спаралась увѣрить его, что онъ можетъ требовать взаимной любви ея, и что не не возможно ему оную получить, по тому что онъ столько же молодъ, столько богатъ, столь благороденъ, какъ и Гизиппъ; но сдва выслушалъ онъ сію надежду: по Гизиппъ представясь ему, укорялъ его въ его невѣрности; тотчасъ вспомнилъ онъ обѣщанную другъ другу дружбу, воспоминалъ тотъ стыдъ, которымъ такая невѣрность его покроетъ, а о томъ и мысль одна уже въ трепетъ его вводила. Между

тѣмъ не погасала любовь его, и пѣмъ временемъ какъ Гизиппъ торжествовалъ надъ Софронїею, мучилъ Тита образъ ея немилосердо. Нѣшъ вскричалъ онъ, прекрасная и опасная Софронїя, не скажетъ никто, чтобъ ты Тита здѣлала Гизипповымъ врагомъ; Гизиппъ прежде открылся, такъ мнѣ должно молчать: естьли бы я не зналъ о любви его, и не открылъ бы онъ мнѣ своихъ намѣренїй, то безъ сомнѣнїя покорился бы я твоимъ прелестямъ; но по откровенїи его увы! чего желать мнѣ ужѣ остается невозбранно, и не былъ ли бы я наинедостойнѣйшїй человѣкъ, естьли бы покусился возпрепятствовать его благополучїю?

Сїе разсужденїе, которое честь и дружба всѣми доводами утвердили, первенствовало долгое время въ умѣ его; но любовь такъ ужѣ овладѣла его сердцемъ, что онъ сильнѣйше нѣчто къ истребленїю

ея

ея употребить былъ долженъ. Между тѣмъ видя, что не можетъ преодолѣть дружбу, а дружба не можетъ побѣдить любви, сказалъ: изрядно, нещастныя движенія моего сердца, я противъ воли моей васъ соглашу, стану любить Софронію, и пребуду Гизиппу вѣрнымъ, стану снѣдающее меня пламя скрывать въ молчаніи, и любезной мой Гизиппъ никогда не свѣлаетъ, что жестокая судба меня здѣлала его соперникомъ.

Препроводя всю ночь въ сихъ разныхъ мысляхъ, увидѣлъ онъ наконецъ день въ семъ послѣднемъ намѣреніи; онъ не перемѣнилъ онаго, но еще твердо предпріялъ съ крайнимъ стараніемъ удаляться Софроніи, надѣясь, что отсутствіе легко утушитъ въ одинъ мигъ возгорѣвшееся пламя. Чая такимъ образомъ утвержденнымъ быть въ своемъ намѣреніи, старался

сколь возможно заснуть, но чрезъ мѣру сильное движеніе мыслей, такъ умомило тѣло его, что вмѣсто сна впалъ сиѣ въ жестокую лихорадку.

Гипипъ, по любовію своею, по болѣзни о Типовой болѣзни во всю ночь промучась, всталъ на разсвѣтѣ, и послалъ къ своему другу, гдѣ сиѣ служителя его свѣдалъ, что онъ очень болѣлъ. Сія вѣсть такъ его пронула, что забылъ на то время и Аристиппа и Софронію, а лишеніемъ Типа почитая себя всего лишеннымъ, подослалъ къ послалъ его въ наижалостнѣйшемъ сочиненіи. Типъ то усмотрѣлъ, и сіе свидѣтельство его дружбы уподобило его въ приятномъ намѣреніи. Любезной Гипипъ, сказалъ ему, не печалься, сильно хочешь скоро меня здороваго видѣть; одно только безпокойство твое можешь умножить болѣзнь мою или прогнать; и такъ предайся всему тому, что

тебя

тебя веселить можетъ. Ищи пріятныхъ упражненій, побѣжай къ Софроніи, и полежи на меня попеченіе о моемъ выздоровленіи.

Ахъ дражайшій Титъ! отвѣчалъ Гизиппъ, усмотря въ глазахъ его боязливое безпокойство, любовь моя къ Софроніи, никогда не приведетъ въ забвеніе мнѣ того, чѣмъ дружбѣ твоей я долженъ; и чувствую, что она болѣзню о лишеніи твоемъ уменьшается; безъ тебя не могу я ничего любить; нѣтъ удовольствія мнѣ въ свиданіи взаимной любви, если ты свидѣтелемъ стараній моихъ не будешь: всѣ веселости, радость, надежда, и сама любовь, однимъ словомъ, все исчезаетъ, когда тебя нѣтъ со мною.

Титъ, котораго сія нѣжная рѣчь чувствительно тронула, вздохнулъ съ печали, что такому совершенному другу любовію своею жертвовать не

не въ силахъ; а въ сихъ изъявленіяхъ дружбы его, нашедъ новыя силы, къ совершенію вѣчнаго молчанія, утвердился въ своемъ намѣреніи, чтобъ прежде умереть, нежели воспрепятствовать благополучію своего друга; а я, отвѣчалъ ему, не могу никогда быть щастливъ, естьли тебя подлинно щастливымъ не увижу; жизнь была бы мнѣ не сносна, естьли бы ты для меня упустилъ то, что на вѣки тебя благополучнымъ здѣлать можетъ. Естьли ты любишь Аристиппову дочь, то поди, дражайшій Гизиппъ, поди предстань ей свое сердце, которое ея столь достойно, и вѣрь, что я не буду прежде спокоенъ, пока не свѣдаю, что ты получилъ взаимную любовь ея.

Гизиппъ просилъ, чтобъ онъ еще ему съ нимъ побыть позволилъ, но Титъ такъ непремѣнно желалъ уединенія, что онъ принужденъ былъ

его

его оставить, а будучи въ истинну влюблень въ Софронію, пошелъ тотчасъ къ Аристиппу, котораго засталъ убирающаго въ домѣ своемъ свободную и отъ прочихъ отдѣленную компашу для Софроніи, сказывая ему, что она тогоже дня будетъ въ Аѳины. Сія вѣсть произвела въ Гизиппѣ удивленіе и радость, ибо чрезъ то получилъ онъ надежду, удовольствіе дѣлать какъ дружбѣ, такъ и любви своей. Однако не смѣлъ еще такъ скоро изъясниться, а только спросилъ у Аристиппа: долго ли прекрасная Софронія у него проживетъ, и какъ согласилась она оставить свою пустыню?

Особливой разговоръ, отвѣчалъ онъ, которой я вчера съ нею имѣлъ въ то время, какъ вы разсматривали мои картины, склонилъ ея къ сему повиновенію; я хочу, чтобъ она впредь жила въ Аѳинахъ, и поле-

полевыми веселостями пользовалась бы только въ удобныя къ тому времена. Гизиппъ не упустилъ похвалить сіе намѣреніе, и оное утвердить сильными доводами, коихъ причину прозорливой Аристиппъ тотчасъ провидѣлъ; а дабы въ томъ еще болѣе увѣриться, и тѣмъ больше познать внутренность ученика своего, то сказалъ ему съ печальнымъ лицомъ, что онъ понынѣ опасаясь дочь свою у себя въ домѣ показывать толь многимъ ученикамъ, принужденъ былъ держать ея въ деревнѣ; однакожъ нынѣ сыскалъ средство всѣхъ удовольствовать, ибо впредь намѣренъ онъ учениковъ своихъ учить только въ публичныхъ училищахъ, а въ домѣ у себя никого имѣть не будетъ.

Гизиппъ сими словами, какъ громомъ пораженный, премѣнился въ лицѣ, и не возмогши преодолѣть своихъ первыхъ движеній, вскричалъ,

чалъ: такъ я не увижу уже прекрасную Софронію! Сіи прошивъ воли его выговоренныя слова утвердили Аристиппа въ его чаяніи, и усмотря Гизиппа отъ смятенія о томъ, что вымолвилъ больше, нежели хотѣлъ, въ глубокомъ молчаніи, сказалъ ему съ пріятнымъ и веселымъ лицомъ: Гизиппъ! развѣ не научила тебя Философія гостить твои страсти, умѣрять желанія твои и на всѣ случаи въ жизни приготовляться?

Нѣтъ, Государь мой, отвѣчалъ онъ закрасившись, все сіе Философія произвела въ моемъ умѣ; но къ несчастію въ сердцѣ моемъ еще ничего. Изрядно, отвѣчалъ Аристиппъ, такъ я прикажу Софроніи, чтобъ она тебя довела до совершенства. Сіи коротки слова оживотворили опять Гизиппа, благодарилъ за то Философу и оба другъ другу довольно открыли свои мнѣнія, хотя еще совершенно мыслей своихъ не объявили.

Но тѣмъ временемъ, какъ Гизиппъ ласкался надеждою, а Титъ тщетно старался преодолѣть любовь свою, и мысленная болѣзнь его умножала болѣзнь тѣлесную опаснѣйшими припадками; прекрасная Софронія готовясь оставить деревенскую жизнь не меньше была беспокойна. Одну только минуту говорила она съ отцомъ своимъ, а въ сію минуту онъ ей отечески приказалъ пріѣхать на другой день въ Аѳины, выхваляя при томъ прекрасныя Гизипповы дарованія. Но какъ она Аристиппповымъ отъѣздомъ получила свободу размышлять о томъ, что въ тотъ день происходило, то казалось ей, что онъ весьма скоро протекъ, и что сіи двое друзья все ея понятіе чувствуемое удовольствіе увезли съ собою.

По томъ испытала себя наиприлѣжнѣйше, повторяла въ памяти своей отъ Аристиппа въ пользу

Гизиппу

Гизипну сказавшая слова, и разсматривая, весь ли молодой Римлянинъ ошняль ея словесно, осталась въ великою радости, что она столько хороша собою умѣетъ дѣлать ея прелесть чувствительною. По томъ успокоилась мыслями своими надъ Типомъ, находила въ немъ тѣже дарованія и тѣже пріятности; но какъ скоро хотѣла отъ него отвратить свои мысли, то почувствовала въ томъ нѣкоторую трудность. Тщетно старалась уже думать о Гизипѣ; одинъ Типъ только воображался въ умѣ ея и сравнивъ прошивъ воли своей его красоту, нравъ и разговоръ съ Гизиповыми, нашла въ нихъ такую разность, которая принудила ея и неравную имъ похвалу приписать, и не чувствительно влекла ея къ молодому Римлянину. Она была столь учена, что тотчасъ познала опасность такого скорого движенія, и разсуждая, что онаго ей не льзя

намѣренїя говорилъ ей о Гизиппѣ, твердо воспротивилась тайнымъ своимъ движенїемъ къ Титу ея влекущимъ, дабы имѣть свободу, безъ супротивленїя послѣдовать волѣ отца, котораго и любила она и боялась.

Для сего представила себѣ, что ей все равно будетъ, котораго изъ двухъ ни получитъ себѣ мужемъ, надѣясь какъ съ тѣмъ, такъ и съ другимъ равно быть щастливою, по тому что и они не смотря на толь противныя между собою склонности, другъ друга однакожъ любятъ и въ совершенномъ живутъ согласїи; что не споримо доказываетъ праводушїе ихъ и чистосердечїе. По что же прилѣпляться мнѣ помыслила въ себѣ, къ такому покою моему вредному предразсужденїю? естьли отъ отца моего Титъ избранъ владѣтелемъ моего сердца, то его больше я и любить буду; а естьли онъ избралъ Гизиппа, то передъ

передъ Титомъ онъ и преимущество получитъ. Сіе было послѣднее намѣреніе сей прекрасной и разумной дѣвицы, которая всѣми силами Философіи старалась преодолѣвать свои склонности и всѣ прочіе предметы отъ мыслей своихъ отгоняла, дабы только должности и разуму во всемъ повиноваться. Съ симъ намѣреніемъ пріѣхала въ Аѳины въ вечеру того дня, въ которой Гизиппъ тайность сердца своего Аристиппу нѣкоторымъ образомъ открылъ. Сей влюбленной Грекъ едва оставилъ Софроніина отца, то побѣжалъ къ Титу освѣдомиться о его состояніи и объявить ему новую причину своей надежды. Титъ былъ одинъ въ своей комнатѣ, лихорадка его миновалась, но смертельная печаль послѣдовала за нею, и Гизиппъ, вошедъ по обыкновенію своему не сказавшись, нашелъ его сидящаго въ слезахъ и въ наижесточайшей горести.

Сей зракъ сего поразилъ, подошелъ къ нему, и просилъ неотступно, чтобъ онъ открылъ ему причину толь жалостнаго состоянія. Титъ досадуя, что застали его въ такой слабости, старался всѣми образы прикрыть подлинную тоску свою; жестокая лихорадка, послѣдовавшее ей безсиліе, чтеніе нѣкоторыхъ жалкихъ приключеній были причинами, въ коихъ онъ подлинную скрыть хотѣлъ; но Гизиппъ усмотря по лицу его, что онъ говоритъ неправду, старался и просьбами и ласкательствами узнать истинну. Однакожъ Титъ пребывалъ непоколебимъ, и такъ его увѣрилъ, что тѣ толь о причины въ такое состояніе его ввели, что Гизиппъ больше его не принуждалъ, но премѣнивъ разговоръ, увѣдомилъ его о Софроніиномъ пріѣздѣ, и о усмотренной къ себѣ склонности отца ея. Здѣсь то поразили нещастнаго Тита вдругъ тысячи нещастныхъ мыслей.

Со-

Софронишъ пріѣздъ въ Аѳины разрушилъ всѣ его намѣренія; не сомнѣвался онъ, что любовь его чрезъ вседневное съ нею сѣхожденіе, получишъ новую силу, и что Гизиппово благополучіе, при коемъ бы ему свидѣтелемъ быть надлежало, отъ отчаянія ввергнетъ его во гробъ.

Однакожъ столько еще имѣлъ въ себѣ силы, чтобъ скрыть сію новую печаль, и показывалъ себя столь здоровымъ, и столь веселымъ, что Гизиппъ удовольствіемъ его о своемъ благополучіи совершенно былъ увѣренъ. Влюбленной Грекъ обрадовавшись о его согласіи, которымъ онъ, казалось, похваляль любовь его, долго говорилъ ему о Софроніиныхъ пріятностяхъ, о чѣсти любви ея, о щастіи своемъ во владѣніи ею, и не примѣтя, что каждымъ словомъ дѣлаетъ въ сердце его новую рану, продолжилъ сей разговоръ до самой ужины. Ужинали они вмѣстѣ, и

присудствїе служителей присѣкло сей разговоръ. Титъ ѣлъ весьма мало, а говорилъ еще меньше; другъ его видя, что онъ для него себя принуждаетъ, и можетъ быть, требуетъ покоя, проводилъ его въ его спальну, и пошелъ потомъ въ свою, дабы по волѣ разсуждать, какимъ образомъ Аристиппу и Софронїи открыть любовь свою. Напротивъ того Титъ будучи въ сей день нещастливѣе прежняго, отпустилъ отъ себя людей своихъ, и со всѣмъ предался своему отчаянїю. Странно кажется, что любовь въ сихъ двухъ друзьяхъ вдругъ толь сильно вкоренилась; но не удивительно покажется, когда разсмотримъ непреоборимую власть красоты съ разумомъ соединенной, и что любовная стрѣла тѣмъ вѣрнѣе пронзаетъ, чѣмъ меньше кто находится въ состоянїи ей противиться. Когда Гизиппъ и Титъ ѣхали къ Софронїи, то думали они только увидѣть

дѣтишь преужасной домъ, и слышать ученую дѣвицу. Присутствіемъ ея скоро забыли они то, за чемъ пріѣхали; ученіе и любопытство изчезли, одни только прелести представились главамъ ихъ! Сердца ихъ тѣмъ вдругъ стали поражены и побѣждены; удивленіе дало любви потребное время вкрастися въ сердце ихъ, а какъ скоро услышали разговоръ сей безпримѣрной дѣвицы, то зажженной огнь въ нихъ совершенно возгорѣлся. Титова любовь съ самой той минуты была въ высочайшемъ степени, хотя и безъ надежды, по тому что съ самаго начала узналъ онъ Гизипповы движенія, коихъ онъ по вспыльчивому своему темпераменту отъ него скрыть не могъ; желаніе уступить сему другу толь любезную особу, усугубило его пламя, а стараніа, которыя онъ къ утушенію его употреблялъ, умножили силу его.

Въ такомъ печальномъ состояніи не могла добродѣтель его ничего инаго сдѣлать, какъ заключить себя къ вѣчному молчанію, удалившися отъ Софронія, и въ благополучій друга своего, искать своего спокоенія: но сколь ослѣпла сія добродѣтель, когда онъ сказалъ, что Софронія въ одномъ городѣ съ нимъ жить будетъ, что онъ всякой день ея либо у Аристиппа, или въ каретѣ видѣть долженъ, и что наконецъ не смотря на всѣ свои намѣренія, находяся въ опасности, видѣть сатерина своего подавно достоинъ. Сіи послѣднія мысли его успокоили, что онъ во всю жизнь успѣть не могъ; и хотя дружба его къ Аристиппу была непоколебима, однакожь любовь и спокойство ее меньше имѣ овладѣли.

При сей нерѣшимости не находилъ онъ инаго средства для окончанія сего печальнаго приключенія, какъ возвратиться въ Римъ, и Аристип-

спишна, Софронію и Гизипа вѣчно оспавить: но какъ ошедъ его на-чилъ время, сколько пробыть ему въ Аѳинахъ, и онъ боялся его прогнѣвать, сейчасъ, безъ повеленія его поѣдетъ: то намѣрился къ нему писать, что вредно здоровью его въ Аѳинахъ воздухъ, принуждаетъ его просить о своемъ возвращеніи. Сей мысли онъ былъ весьма радъ, и не смотря на строгую рѣчь любви и дружбы, намѣрился на другой день оную и по-нять.

Гизипъ напротивъ того ужаснялся только въ прошедшій вечеръ получить Софронію, а Софронія, которую Аристипъ, имѣя совершенную довѣренность къ драгоцѣнному ему нѣжному сокровища, свѣсски принялъ, не чувствовалъ никакого безпокойства, какъ только бы всегда повиновать своими желаніями, и повиноваться волѣ онаго своего. Оную она скоро узнала, ибо

того же дня, какъ она въ Аѳины пріѣхала, Аристиппъ оставилъ ея особо, посадилъ возлѣ себя, и смотря на нея съ отеческою милостію, говорилъ: Софронія, я признаваю тебя столь добродѣтельною, и столь разумною, что не могу инако, какъ чистосердечно съ тобою говорить. Щастіе, любезная дочь моя, продолжалъ онъ, которое рѣдко достойнымъ послѣдуетъ, не было и ко мнѣ столь благосклонно, чтобъ я достойнаго жениха тебѣ сыскать могъ. Понынѣ Философія меня въ томъ утѣшала, и я почитался себя довольно богатымъ, будучи отцомъ такой дочери, которую небо, что къ совершенству потребно, всемъ наградило; но теперь, когда старость мнѣ о концѣ моемъ напоминаетъ, думаю я весьма инако: чѣмъ больше въ тебѣ совершенствъ, тѣмъ больше боюся я оставить тебя въ бѣдности; мнѣ кажется, что должность моя противъ боговъ такъ

какъ

какъ и искренняя отеческая любовь противъ тебя, того требуютъ, чтобъ я промыслилъ тебѣ такой бракъ, которой бы и благодарность мою доказать небу, и твою толь чистыми склонностьми наполненную добродѣтель наградить могъ. Я чаю не ошибусь, естьли Гизиппа изберу тебѣ мужемъ: достающееся ему послѣ отца его наслѣдство дѣлаетъ его знатнѣйшимъ во всей республикѣ, и къ наибольшему щастію усмотрѣлъ я, что твоя красота плѣнила его сердце; онъ молодъ, пригожъ, наполненъ разума и добродѣтели, и я ласкаю себя, что ты не попротивишься сему союзу, естьли я велю тебѣ дать ему руку.

Софронія не долго размышляла, но обнадежила Аристиппа своимъ послушаніемъ, не слушая сокровенныхъ движеній своего сердца: два дни только прошло, какъ начала я знать Гизиппа, отвѣчала она, но естьли

естьли вы его достойнымъ почитаете быть вашимъ зятемъ, то сихъ двухъ дней для меня уже довольно. Сердце мое повинуется вашимъ повелѣнїямъ, и всегда свои движенїя по вашимъ располагать будетъ; я не сама себѣ дала жизнь, но симъ даромъ, по богахъ обязана вамъ, такъ и при семъ случаѣ ни мало я на себя смотрѣть не должна. А какъ я благодарности моей не могу вамъ инако принесть, какъ жертвуя моею жизнію, которая и безъ того вамъ, какъ источнику ея принадлежитъ, то, поступайте со мною какъ вы заблаго разсудите. Я спáну Гизиппа любить, когда вы приказываете, и буду противъ его равнодушна, естьли онъ онъ васъ за не недостойна признанъ будетъ.

Сїя чрезвычайная добродѣтель привела Аристиппа въ удивленїе; онъ обнялъ дочь свою и увѣрялъ ея, чтобъ онъ никогда не помыслилъ о

семъ

семъ брать, естьли бы не чаялъ ся чрезъ то здѣлать щасливою; потомъ сказавъ си, какимъ образомъ онъ сіе дѣло съ Гизиппомъ начать хочетъ, просилъ, чтобъ она всегда принимала его ласково, и сіе показывала бы ему особливымъ почтеніемъ къ Титу. Симъ только почти средствомъ, говорилъ онъ, можно его плѣнить; никогда не видалъ я такой дружбы, какая у Гизиппа съ Титомъ; кто хочетъ обязать одного, надобно любить другова, и я чаю, что не многова потребую отъ твоего послушанія, когда тебѣ его какъ брата любить совѣтую. Я признаюсь тебѣ, что естьли бы онъ былъ Аѳинянинъ и такую же бы склонность къ тебѣ имѣлъ, какъ Гизипъ, то предпочелъ бы я его всѣмъ мущинамъ на свѣтѣ. Сія рѣчь была Софроніину послушанію наижесточайшій опытъ, ибо она напомнила ей о такомъ человѣкѣ, котораго она вѣчно изъ памяти своей изгнать хо-

хотѣла; на сїе отвѣтствовала она не такъ скоро, какъ прежде, боясь обѣщаться любить Тита, чтобъ не полюбить его гораздо мѣру.

О Гизиппѣ она ничего не размышляла, будучи увѣрена о его склонности, обѣщала все, не боясь неудачи; но въ разсужденїи Тита, находилась въ недоумѣнїи, страшилась вступить въ новой союзъ, къ которому сердце ея уже толь склонно было. Однакожъ укрѣпилась на конецъ, и обѣщала всѣмъ повелѣнїямъ отца своего безпрекословно повиноваться. Весьма довольный дочерїю своею Аристиппъ ожидалъ съ нетерпѣливостїю Гизиппа, которой столько же былъ нетерпѣливъ, какъ и онъ; но дружба его къ Титу не позволяла ему ничего начинать, не увѣдомивъ его напередъ о томъ, для того пошелъ къ нему, и нашедъ его въ изрядномъ состоянїи, просилъ, чтобъ онъ съ нимъ по-

шелъ

шелъ къ Аристиппу. Влюбленной римлянинъ, скрывая какъ тѣлесную такъ и душевную болѣзнь свою, дабы не обмануть своего друга, извинялся сколько возможно было, и такъ неотступно просилъ его оставить, что Гизиппъ не хотя его принудилъ, пошелъ къ Аристиппу одинъ. Сей Философъ принималъ его всегда равно, и отвелъ его самъ къ Софронїи въ комнату.

Сїя прекрасная дѣвица, увидя его, закраснѣлась, и почувствовавъ движенїя сердца своего, пришла въ несказанное смятенїе. Гизиппъ хотя ей нравился, но Титъ еще больше, и когда она принуждала себя, Гизиппа принять ласково, то глазами искала Тита, къ коему сердце ея стремилось. Между тѣмъ была весьма осторожна во всѣхъ своихъ поведенїяхъ, и показывала себя ни чрезъ мѣру суровою, ни чрезъ чуръ склонною; дала во всемъ

волю

волю отцу своему; а Гиппу показывала великую добродѣтель и разум. Аристипъ желая, чтобъ она сего молодого Грека совершенно плѣнила, оставилъ ихъ подъ видомъ нѣкоторыхъ дѣлъ, дабы тѣмъ больше имъ далъ свободы, и какъ Софрона всегда при себѣ имѣла добродѣтельную старуху, которая ея воспитала, но Аристиппъ обходился всегда просто съ нѣми, коимъ въ домѣ своемъ хорошей пріемъ показывать хотѣлъ.

Гиппій тѣмъ столь влюбленъ, что не упустилъ воспользоваться сею толь полезною для него благосклонностію. Сіе вторичное свиданіе совершенно его плѣнило, далъ волю глазамъ своимъ, и препровождалъ нѣмую рѣчь ихъ всѣмъ тѣмъ, что почтеніе сказать не позволяетъ, а тѣмъ увѣрилъ Софронію о совершенной ея побѣдѣ; при всемъ томъ казалась она ни страшнѣе, ни суровѣе,

и

и поступки ея показывали, что только Аристиппова воля сердцемъ ея управляла. Гизиппъ былъ радъ, что она никѣмъ другимъ не плѣнена, и не хотя, чтобъ Аристиппъ обѣщалъ ея кому другому, намѣрился въ тотъже день просить за себя Софронію. Но многими дѣлами упражненный Философъ домой не возвращался; а Гизиппъ, пріѣздомъ къ Софроніи нѣкоторыхъ Аѳинскихъ госпожъ будучи удержанъ отъ пріятныхъ съ нею разговоровъ, ушелъ отъ нихъ тихонько, и возвратился къ другу своему Титу. Но свѣдавъ отъ служителя его, что онъ пошелъ гулять на морской берегъ, намѣрился итти его искать.

Влюбленный Римлянинъ, будучи беспокойнѣе прежняго, и не зная что начать, пошелъ къ морю; тамъ разсуждалъ онъ о нещастной судбѣ своей, и далъ свободное теченіе своей печали, какъ внезапной стукъ весь

ма скоро ѣдущей коляски исторгъ его изъ сей глубокой задумчивости. Любопытство, котораго онъ преодолѣть не могъ, понудило его взглянуть на сидящихъ въ ней особъ. Но сколь велико было изумленіе его, какъ онъ въ ней съ знатнѣйшими Лѣнскими госпожами, увидѣлъ Софронію, которая казалась для уязвленія его, всѣ стрѣлы любовныя собрала вмѣстѣ.

Первая мысль понуждала его удалиться, но любовь будучи сильняе любодѣтели его, устремя глаза его на сей опасной предметъ, вдѣлала его неподвижнымъ, пока коляска остановилась, и госпожи изъ оной стали выходить. По семъ забывъ всѣ свои намѣренія, и не зная самъ что дѣлалъ, пошелъ ихъ принять, и какъ Софронія вышла послѣ всѣхъ, то онъ отъ нея уже не отходилъ, и напоялся по малу пріятнымъ ядомъ, заражающимъ сердце

сердце его. Всѣ госпожи его знали, всѣ почитали его, и многія изъ нихъ желали бы его плѣнить; присутствіе его умножало то удовольствіе, коего они въ семъ гульбищѣ надѣялись; они шутили надъ нимъ, его уединеніемъ, и весьма любопытно спрашивали, для чего Гизиппъ не съ нимъ?

Желаніе понравиться, почти всѣмъ мущинамъ сродное, прогнало вдругъ всѣ печальныя воображенія, которыми умъ его былъ наполненъ; Софроніино присутствіе его ободрило и возвратило опять ему его прелестной нравъ, которой всѣхъ плѣнялъ, для того отвѣчалъ онъ на шутки сихъ госпожъ такъ же разумными шутками.

Беспокойная, постоянная и почти внѣ себя приведенная Софронія не знала, говорить ли ей, или молчать, и радоваться ли о сей встрѣчѣ,

чѣ, или сожалѣнь. Такое же смятенїе, какое Тишъ ея увидя, почувствовалъ, объяло и ея, какъ онъ ей руку подалъ; она краснѣла и блѣднѣла и не могла ничего промолвить. Тишъ то усмотрѣлъ, но какъ онъ ничего не толковалъ въ свою пользу, и ни въ какомъ случаѣ себя не ласкалъ, то приписывалъ сїи разныя движенїя ея досадѣ о томъ, что Гизиппа съ нимъ не было: однакожъ желая чѣмъ ни будь ей угодить, намѣрился говорить за своего соперника.

Компанїя разошлась, и госпожи другъ отъ друга отдѣлились, такъ что онъ почти принужденнымъ себя увидѣлъ, остаться при Софронїи и ея весни. Симъ случаемъ пользуясь онъ ей сказалъ: Естьли бы Гизиппъ, сударыня, могъ знать, что вы сюда пріѣдете, то не устерпѣлъ бы онъ за вами слѣдовать, и хотя я о дружбѣ его увѣренъ, однако су-

сумнѣваюсь, чтобъ онъ въ семъ щастіи, которымъ я въ отсутствіи его пользуюсь, мнѣ не позавидовалъ.

Титъ выговорилъ сіи слова съ такою страстію, что Софронія оную примѣтить принуждена была; сіе привело ея въ смятеніе, и не зная для чего считала себѣ за обиду, что Титъ почитаетъ ея въ состояніи о комъ ни будь тужить. Щастіе, о которомъ вы говорите, государь мой, отвѣчала ему, такъ мало, что Гизиппъ, какъ человѣкъ разумной, оному завидовать не можетъ; и какъ вы, кажется, только одинъ для другова живите, то вашимъ удовольствіемъ столько же ему довольну быть должно, какъ бы оно ему самому случилось. Я съ моей стороны чаю всегда видѣть Гизиппа, когда вижу Тита; и на Гизиппа никогда не взираю, не помышляя о Титѣ.

Ахъ! Государыня, ошѣчалъ любовїю своею влекомый Типъ, взирайте всегда на Гизиппа. Сїи противъ воли его выговоренныя слова едва вылѣтели изъ устъ его, то онъ раскаялся; и увидя на лицѣ Софронїиномъ удивленїе съ беспокойствомъ смѣшенное, потупилъ глаза свои, вздохнулъ и замолчалъ. Софронїя будучи не меньше его въ смятенїи, старалась что ни будь сыскать, чемъ бы сей разговоръ перервать могла, какъ къ щастїю обѣихъ ихъ компанїя опять сошлась вмѣстѣ. И такъ разговоръ сталъ общей, и Типъ любовїю своею въ бездну ввержденный, будучи въ наибольшемъ безпокоисшвїи, впалъ опять въ прежнюю свою задумчивость, и уже ни въ чемъ ни малѣйшаго не принималъ участїя. Не меньше смутно было и Софронїино состоянїе, но какъ она прежде Типа укрѣпилась, то была рада, что пресѣкли случай быть съ нимъ одной, не давъ

ему

ему знать ничего такого, изъ чего бы онъ заключить могъ, что она слова его поняла. Между тѣмъ толь часто встрѣчались взоры ихъ, хотя они въ томъ весьма тщательно остерегались, что они весьма ясно изъ нихъ то познать могли, что тайно клялись никогда не сказывать.

Въ семъ взаимномъ принужденіи находились они, какъ Гиппій къ нимъ пріѣхалъ. Онъ намѣренъ будучи ѣхать на морской берегъ, удержанъ былъ отъ нѣкоторыхъ пріятелей, которые къ нему пришли, а избавясь отъ нихъ, послѣдовалъ своему намѣренію, и чрезвычайно обрадовался нашедъ все то вмѣстѣ, что ему на свѣтѣ всего миляе было. Подошелъ къ компаніи съ веселымъ лицемъ, изъявляющимъ великое его удовольствіе, и показавъ госпожамъ вообще должное почтеніе и учтивость, подошелъ къ Софроніи, а Титу далъ свободу

разговаривать съ другими. Сей нещастливой любовникъ, чая въ глазахъ прекрасной Софронїи видѣть нѣкоторой огонь, оставилъ мѣсто свое съ такою горестїю, что Гизиппъ оную изъ перемѣны лица̀ его усмотрѣлъ. Сїе уменьшило нѣсколько его веселость; а увидя и Софронїю гораздо суровѣе, нежели ея оставилъ, впалъ въ нѣкоторое неизвѣстное безпокойство; и хотя ея присутствїе ему весьма пріятно было, однакожъ не стерпимо желалъ быть съ Типомъ одинъ, дабы отъ него узнать о томъ, что его противъ воли безпокоило.

Не долго былъ онъ въ сей печали. Софронїя не возмогши долѣе терпѣть того принужденїя, которое себѣ во всѣхъ поступкахъ дѣлала, дала знать, что она успала, и для того сѣли опять въ коляску. Гизиппъ и Типъ сѣли въ свою, и поѣхали за ними. Дорогою Гизиппъ

при-

пристально смотря на Тита, говорилъ: Софронія показалась мнѣ гораздо печальною: говорилъ ли ты съ нею, любезной Титъ? Упомянула ли она обо мнѣ, и показалъ ли ты мнѣ ту услугу, которую бы я тебѣ при такомъ случаѣ показать не преминулъ?

Софронія, отвѣчалъ онъ ему, такова пріѣхала, какова поѣхала; я очень мало съ нею говорилъ, но говорили все о тебѣ, и ты не можешь сомнѣваться, чтобъ разговоры наши не соотвѣтствовали твоимъ достоинствамъ. Титъ говорилъ такъ натурально, что Гизиппъ тѣмъ успокоился, и вѣря другу своему, перемѣнилъ сей разговоръ, и во всю дорогу говорилъ уже только о томъ, что онъ намѣренъ на Софроніи жениться. Титъ раскаяваясь о каждомъ словѣ, которое сказалъ Софроніи, не находилъ инаго средства наказать себя за то, какъ только хвалить вы-

выборъ своего друга, и побуждаетъ сіе къ скорому окончанію сего намѣренія. При томъ сдѣлалъ ему краснорѣчивое описаніе щѣкъ пріятностей, кои сей прекрасной союзъ ему обѣщаетъ, и хотя самъ себя увѣрилъ, что они рождены другъ для друга, употребилъ для увѣренія друга своего въ его намѣреніи такія сильныя выраженія, и такіе сильные доводы, что Гизиппъ, увѣрясь о его чистосердечіи, искренне его обнялъ и за оказанное согласіе въ любви его принесилъ благодареніе. Въ сихъ разговорахъ пріѣхали они къ Аристиппову дому, и проводя Софронію до ея покоевъ, возвратились домой, гдѣ ощужинавъ по обыкновенію вмѣстѣ, пошли въ свои спальни каждой съ своими мыслями: Гизиппъ надеждою исполненный имѣлъ только пріятныя, а отчаянный Типъ ничего, кромѣ досады не чувствовалъ. Онъ былъ смертельно влюбленъ, мучимъ несноснымъ молчаніемъ, и

столь

столь честенъ, что щастію друга своего воспрепятствовать не хотѣлъ, а по сему и сама смерть была ему въ тысячу разъ сноснѣе сего мучительнаго состоянія. Всю ночь препроводилъ онъ въ безпрерывной мукѣ, и въ тойже мукѣ день его засталъ. На конецъ намѣрился уѣхать, и какъ можно скоряе оставить Грецію, а для исполненія того написалъ письмо къ Фулвію.

Тѣмъ временемъ, какъ онъ въ сихъ беспокойствахъ упражнялся, Гизиппъ получилъ соизволеніе отъ машери своей Кризисы, которая по смерши Кремеса мужа своего жила въ непрерывномъ уединеніи. Онъ пошелъ къ Аристиппу, и безъ всякихъ околичностей объявилъ любовь свою къ его дочери, прося его объ ней съ выраженіями толь страстнаго человѣка, которой все благополучіе свое въ семъ союзѣ полагаетъ.

Ари-

Аристиппъ того желая, принялъ его весьма ласково, и безъ всякаго прекословія обѣщалъ ему дочь свою. Радости Гизипповой изъяснить не возможно, не возможно изобразить и благодарности его и желанія, съ которымъ онъ просилъ о совершеніи его благополучія. Аристиппъ на то согласился и для лучшаго увѣренія повелъ его самъ къ Софроніи, и представилъ ей его какъ жениха. Сія добродѣтельная дѣвица, которая во всю ночь противясь любовной склонности своей къ Титу, едва оную наконецъ преодолѣла, дала Гизиппу знать, что повелѣнія отца своего охотно исполняетъ. И хотя только кроткое послушаніе безъ малѣйшей радости о томъ ему показала, однако Гизиппъ почелъ себя наиблагополучнѣйшимъ человѣкомъ. Обрадованный будущею судбою дочери своей Аристиппъ, началъ къ скорому совершенію сего брака всѣ приготовленія дѣлать, а Гизиппъ не возмогши чрезмѣр-

мѣрной радости своей во себѣ вмѣстить, поспѣжалъ увѣдомить о томъ возлюбленнаго своего Типа. Сей печальной Римлянинъ писалъ тогда къ отцу своему о возвращеніи въ Римъ и Гизиппѣ къ нему вошелъ, какъ только онъ писать пересталъ. Онъ не далъ времени ему запечатать сіе письмо, и не примѣтя того, что онъ дѣлалъ, обнялъ его и говорилъ: Порадуйся моему благополучію, любезной Типъ; Аристиппъ обѣщалъ мнѣ прекрасную дочь свою, и черезъ три дни будешъ она моею женою. Типъ, не ожидая сей вѣсти, хотя однакожъ напередъ себя къ тому предуготовилъ, такъ пораженъ былъ сими словами, что въ тотъ мигъ забывъ себя, вскричалъ: Гизиппъ лишаетъ меня жизни! и съ сими словами упалъ безъ памяти.

Естьли бы Кремесовъ и Аристипповъ домъ подъ ногами сего любителя провалился, то не быль бы онъ

онъ тѣмъ столько устрашенъ, сколько устрашили его слова и состоянїе его друга; и то и другое открыли вдругъ ему глаза, и напомнили о многомъ, которое увѣрило его о истинѣ и показало въ Титѣ ему соперника. Сїе поразило его смертельнымъ ударомъ; при всемъ томъ однакожъ не долго размышлялъ что начать, но напередъ о нужнѣйшемъ имѣлъ попеченїе, кликнулъ тотчасъ людей и ничего не упустилъ для привседенїя Тита опять въ чувство. Обморокъ его продолжался долго и Гизипп никогда чувствительнѣе сей не имѣлъ печали. По употребленномъ чрезъ пять часовъ стараніи и трудѣ, опомнился онъ на конецъ; радость послѣдовала слезамъ, но не надолго. Титъ впалъ въ наижесточайшую горячку, и безъ всякаго чувства положили его на постелю. Привели славнѣйшихъ докторовъ, и неутѣшный Гизипп, не допуская никого, и не пола-

полагаясь ни на кого служишь тѣмъ любезному другу, велѣлъ въ спальнѣ его поставить себѣ кровать, и клялся умереть съ нимъ вмѣстѣ, естьли онъ не выздоровѣетъ.

Весь домъ былъ въ наибольшемъ смятеніи, Тиша въ немъ всѣ любили, и какъ служители, такъ и господинъ ихъ искреннія объ немъ проливали слезы. Гизиппова мать, услыша о опасности друга сына своего, пришла къ нему, и видя одного близъ смерти, а другова въ глубокой печали, онъ пролитія многихъ слезъ удержаться не могла. Въ сихъ разныхъ движеніяхъ увидѣлъ Гизиппъ Типовы письма, и чая найти въ нихъ нѣчто важное, взялъ ихъ къ себѣ, съ тѣмъ чтобъ ему отдать ихъ, какъ скоро ему полегче будетъ. Во всю ночь никто не спалъ; движенія его и бредъ продолжались до самаго дня; а какъ оные нѣсколько утихли, и докто-

рамъ

рамъ время дали свойство болѣзни его распознать, то разсматривали они оную съ наибольшимъ прилѣжанїемъ, и разсудили, что причина оной происходитъ отъ неспокойныхъ мыслей; при чемъ сказали Гизиппу, что они не отвѣчаютъ за жизнь его, естьли не истребится его печаль, что болѣзнь его происходитъ отъ жестокой тоски, и что они не зная источника оной слабыя только противъ ея средства употребить могутъ? Сего довольно было побудить Гизиппа къ принятїю намѣренїя; онъ просилъ Кризисъ маша свою, чтобъ она возвратилась въ свои покои, выслалъ служителей вонъ, и оставилъ только тѣхъ, которые къ необходимому услуженїю были потребны. Просилъ, чтобъ докторы старались о болѣзни тѣлесной, а о душевной стараніе взялъ на себя, какъ скоро они друга его приведутъ въ память. Они начали о томъ трудиться, и обѣщали хорошей успѣхъ, есть-

естьли отнятïемъ причины печали его, имъ вспомоществовано будетъ. Тѣмъ временемъ, какъ Доктоpы всю науку свою употребляли, Гизиппъ вымышлялъ средства, къ познанïю тайной причины болѣзни Титовой, и чая нѣкоторые слѣды оной найти въ его письмахъ, взялъ ихъ и развернулъ.

Написанное въ первомъ привело его въ страхъ и ужасъ. Я умру, писалъ сей отчаянной любитель; можетъ ли мнѣ жизнь мила быть для любви къ такой женщинѣ, которая бы могла склонить меня возненавидѣть Гизиппа? Ахъ! не надѣйся того, жестокая Софронïя: я никогда не престану Гизиппа любить. И такъ удалюсь; а понеже разлука и смерть для меня равны, то совершеннаго друга лишу чрезъ то ужаса, которой конечно его поразитъ, естьли онъ узнаетъ меня своимъ соперникомъ. Потомъ слѣ-

довали еще нѣкоторыя неокончанныя слова, которыя окончать, видно кто ни будь ему помѣшалъ; но и начала сего уже довольно было показать Гизипну его нещастіе. По томъ увидѣлъ онъ другое, которое Титъ безъ сомнѣнія подъ сею надписью хотѣлъ отправить:

ПУБЛІЮ ФУЛЬВІЮ.

„Важныя причины, милостивой „государь, принуждаютъ меня „покорнѣйше просить васъ о возвращеніи моемъ въ Римъ. Боюсь „Гизипповой дружбѣ здѣлать обиду, когда оставлю его прежде „назначеннаго къ отъѣзду моему „времени. Прошу въ повелѣніи „вашемъ включить такія важныя „нужды, кои бы всѣ способы ему „пресѣкли меня удержать. Возвратите меня изъ Аѳинъ, есть„ли хотите меня жива видѣть.

Ги-

Гизиппъ не хотѣлъ читать далѣе: сїе ужѣ довольно доказывало ему печальное состоянїе его друга, и сколь тяжко было ему скрыть любовь свою и сохранить дружбу. Симъ приключенїемъ и препятствїемъ благополучїю своему, весьма чувствительно тронутый, однакожъ великодушный Грекъ, размышлялъ нѣсколько времени, какимъ бы образомъ и свое щастїе и Титову жизнь удержать. Но зная нравъ его, и разсуждая, что любовь въ немъ ужѣ столько усилилась, что онъ ея, безъ потерянїя жизни своей, преодолѣть не можетъ, принялъ намѣренїе самимъ собою ему жертвовать. Безчестно казалось ему предпочесть женщину своему другу, и почелъ за долгъ, показать Титу истинной опытъ обѣщанной ему дружбы, когда какъ ему оную лишенїемъ жизни своей доказать хотѣлъ, будучи намѣренъ прежде умереть, нежели открыть любовь свою. Легко

сыскать такихъ красавицъ, говорилъ онъ, въ коихъ влюбиться можно; но лишенїя истиннаго друга никогда наградить не льзя; сїе сокровище предпочтительнѣе всѣхъ прочихъ. Титъ знаетъ истинное его достоинство, когда хочетъ прежде умереть, нежели престать быть моимъ другомъ. Не надлежитъ ли же и мнѣ быть столько же великодушну, каковъ онъ? И когда онъ въ доказательство мнѣ своей дружбы, умереть помышляетъ: то не долженъ ли я хотя одинъ день въ живни моей употребить на увѣренїе его моею? Онъ умретъ, естьли не получитъ Софронїю; а я чувствую, что могу ея ему уступить, безъ потерянїя моей жизни, сей разности довольно, рѣшитъ сей споръ въ его пользу.

Гизипп̀ъ еще долго разсуждалъ; и хотя любовь его вооружалась иногда противъ движенїй дружбы: однакожъ

кожѣ оныя ея преодолѣли, и запальчивое его сложеніе, а при томъ и природное великодушіе тотчасъ склонили его къ такому намѣренію, которое всѣ мысли его влекло только къ исполненію онаго. Въ семъ твердомъ намѣреніи пошелъ онъ опять къ Титу, которой врачебными средствами опять приведенъ былъ въ память. Но горячка такъ усилилась, что и тѣ, которые къ нему подходили, жаръ ея чувствовать могли.

Онъ узналъ стоящаго предъ своею краватью Гизиппа, и видя его въ слезахъ, коихъ здержать онъ былъ не въ силахъ, сказалъ ему: возлюбленной Гизиппъ, я не достоинъ сей чрезмѣрной печали. Титъ такъ нещастливъ, что ты объ немъ жалѣть не долженъ. Искренній Грекъ, не могши снести толь несходныхъ съ движеніями своими словъ, наклонясь къ нему, и сжимая руку его, на ухо ему говорилъ: жесто-

кой другъ! ты предпочитаешь смерть Гизиппу: но скоро узнаешь, что Тита Гизиппъ выше жизни своей почитаетъ. По томъ обнимая его, просилъ въ слухъ, чтобъ онъ все для исцѣленія своего употреблялъ, а прочее оставилъ бы попеченію боговъ. По томъ отдавъ потребные приказы, пошелъ къ Аристиппу.

Онъ такъ перемѣнился въ лицѣ своемъ, что Аристиппъ отъ того ужаснулся, и спросилъ, что ему сдѣлалось? Типъ умираетъ, отвѣчалъ онъ ему; и все для меня погибло, естьли я его лишусь. Аристиппъ любилъ Тита; онъ былъ такой ученикъ, которой ему честь дѣлалъ: не могъ вѣсть сію безъ жалости слышать; и зная чрезвычайную дружбу его съ Гизиппомъ, не сомнѣвался о чистосердечной его печали; показывалъ ему о томъ чувствительное свое сожалѣніе, и хотѣлъ Тита посѣтить. Гизиппъ того и желая, не-

немедленно съ нимъ къ нему пошелъ. Молодой римлянинъ поблѣднѣлъ, ихъ увидя. Гизиппъ то усмотрѣлъ; но Аристиппъ никогда не воображая себѣ произшедшаго, подошелъ къ нему, и изъявлялъ печаль свою о его болѣзни наичувствительнѣйшими словами. Титъ отвѣчалъ ему тяжелыми вздохами, и подлинно показался ему быть въ опасности.

Онъ спросилъ у Докторовъ о причинѣ толь скорой и сильной болѣзни; и понеже имъ говорить не запрещено было; то не скрыли они отъ него своего мнѣнія, и увѣряли, что сія болѣзнь произошла отъ чрезмѣрной грусти, и великаго отчаянія. Изумленный Аристиппъ взглянулъ на Гизиппа, такъ какъ бы отъ него причину того узнать хотѣлъ. Гизиппъ познавъ мысль его, просилъ, чтобъ онъ съ нимъ вышелъ въ другую компату. Вошедъ въ оную, Гизиппъ

зиппъ ему сказалъ: это правда, государь мой: Титъ умираетъ отъ отчаянїя, и любовь лишаетъ его жизни.

Любовь! вскричалъ Аристиппъ; какая же римлянка, или Гречанка, любовь Титову не почла бы себѣ за щастїе?

Та, которую онъ любитъ, отвѣчалъ Гизиппъ, незнаетъ о любви его. Она Аѳинянка; назначена другому, а сей другой Титу другъ; и такъ не хотя нарушить своей дружбы, умираетъ онъ какъ нещастливѣйшїй человѣкъ. Сїи слова увеличили Аристиппово удивленїе: потупя глаза, онъ нѣсколько подумалъ; по томъ взглянувъ опять на Гизиппа, говорилъ: возможно ли чтобъ Софронїя была нещастнымъ предметомъ Титовой любви?

Гизиппъ ему на сїе не отвѣчалъ, а только подалъ ему Титовы пїсьма. Онъ читалъ ихъ нѣсколько разъ,

и

и казался быть о томъ въ крайнемъ недоумѣнїи. Гизипѣ не хотя дать время ему долго разсуждать, палъ къ ногамъ его: ты видишь, государь мой, говоря ему, что Титова жизнь въ твоихъ рукахъ, и не его только одна, но и моя; не сомнѣвайся о томъ, что тотъ же ударъ, которой лишитъ его жизни, отниметъ и мою; избавь обѣихъ насъ отъ конечной смерти; я жертвую ему моею любовїю, отдаю тебѣ назадъ твое слово, и прошу за него о Софронїиной и твоей любви: мы всѣ трое при сей чрезвычайной перемѣнѣ не много потеряемъ.

Когда лишусь я прекрасной жены, то спасу тѣмъ истиннаго и неложнаго друга. Когда щастїе во мнѣ представляло тебѣ достойнаго зятя: то въ Титѣ представляетъ оно въ тысячу разъ достойнѣйшаго: природа его гораздо моей благороднѣе: его имѣнїе моего знатнѣе;

душевныя и тѣлесныя его качества превосходятъ всѣ дарованія, кои я имѣю: онъ такъ же твой ученикъ, какъ и я; и естьли я еще сказать смѣю, то любовь его превосходитъ мою, по тому что онъ, теряя Софронію, лишается жизни; а я еще жить могу, сколь ни горестно мнѣ ея уступить.

Аристиппъ такъ изумленъ былъ о всемъ слышанномъ, что долго отвѣтствовать не могъ; на конецъ въ крайнемъ удивленіи, вскричалъ: о небо! гдѣ такую дружбу сыскать можно! Титъ умираетъ, чтобъ не обманутъ своего друга; а Гизиппъ отстаетъ отъ любви своей, чтобъ спасти жизнь Титову! О безпримѣрная дружба! продолжалъ онъ, почто не имѣю я двухъ дочерей! я почелъ бы себя наищастливѣйшимъ человѣкомъ, имѣя такое сокровище въ моемъ домѣ. Великодушной Гизиппъ, прекрати печаль свою: Со-

Фро-

Фронїина судьба при обоихъ васъ будетъ щастлива. Естьли ея рука Тишову жизнь спасти можетъ, не подвергая твою опасности: то позволяю я тебѣ ея обѣщать ему, и клянусь исполнить твое обѣщанїе. Послушанїе дочери моей увѣряетъ меня, что она не попротивится твоимъ великодушнымъ стараніямъ. Я предугошовлю ея къ сей мѣнѣ, а тебѣ оставляю попеченїе о Тишовой жизни.

Сими словами отъ радости внѣ себя приведенный Гизиппъ, обнявъ Аристиппа, сказалъ, что онъ симъ соизволенїемъ возвращаетъ ему жизнь его. Симъ приключенїемъ въ истинну обрадованный, и о Тишовой болѣзни крайне соболѣзнующій Аристиппъ, прекратилъ сїи благодаренїя, принудя его итти опять къ больному. Оба подошли къ нему; но нашли его въ такой слабости, что не могли съ нимъ говорить; и Аристиппъ отошедъ отъ него, думалъ,

что

что намѣреніе его будетъ тщетное, и что смерть лишитъ Софронію сего жениха, такъ какъ дружба лишила ея прежняго.

Гизиппъ остался у Тита, и ожидалъ, чтобъ болѣзнь его нѣсколько утишилась, дабы подать ему послѣднее къ исцѣленію его средство; а Аристиппъ по возвращеніи, нашелъ у себя въ домѣ почти такую же печаль и у учениковъ своихъ: ибо и тамъ свѣдали о Титовомъ состояніи, и всѣ его такъ любили, что каждой въ болѣзни его принималъ участіе. Софронія такъ же какъ и прочіе о томъ узнала; и въ сокрытіи печали своей не имѣла столько твердости, сколько въ ушаеніи склонности своей. Она плакала, и прекрасные глаза ея наполнены были слезами, какъ отецъ къ ней вошелъ.

Его присутствіе отъ того ея не удержало, ибо разумнѣе казалось

ей

ей показать свою чувствительность, нежели принять не натуральное равнодушïе, которое бы притворство ея открыть могло. Она показала откровенно ему свою печаль о потерянïи человѣка такихъ достоинствъ, каковъ былъ Титъ. Я съ удовольствïемъ вижу ту склонность, говорилъ ей Аристиппъ, которую ты къ нему имѣешь; онъ еще живъ, и къ исцѣленïю его еще малая надежда осталась: но повѣришь ли ты, Софронïя, продолжалъ онъ, пристально на нея смотря, что все искусство Докторовъ тщетно, и что ты только съ помощïю боговъ его спасти можешь? Я, государь? отвѣчала она съ изумленïемъ. Да, дочь моя, ты, говорилъ Аристиппъ. Сей любезной Римлянинъ можетъ тою только рукою спасенъ быть, которая лишаетъ его жизни; ты причина его смерти, ты его и воскресить можешь. Сïя невразумительная рѣчь привела Софронïю въ такое состоянïе,

нїе, котораго изъяснить не можно; смущенїе ея было такъ велико что она лишилась силъ своихъ; упала въ кресла, какъ человѣкъ въ крайней слабости находящейся, и смотрѣла на отца своего жалостными глазами. Я не понимаю васъ, государь, говорила ему; изъяснитесь, прошу васъ, если вы не хотите видѣть меня въ равномъ съ Титомъ состоянїи.

Аристиппъ, познавъ беспокойство изъ перемѣны лица ея, пересказалъ ей от слова до слова, что между имъ и Гизиппомъ происходило, и въ какое состоянїе Титова совѣстная дружба ввела обѣихъ сихъ друзей.

Прекрасная Софронїя укрѣпясь во время сего разговора, удивилась еще больше, услыша, что и Аристиппу сія мѣна угодна; думала и то, что онъ сею хитростїю подлинную склонность ея узнать хочетъ: но видя въ глазахъ его только печаль

и чистосердечїе, отвѣчала: милостивой государь! другой показалось бы можетъ быть странно, что я безъ соизволенїя ея обѣщаюпъ и отказываюпъ; но я привыкши къ послушанїю, какъ скоро вы прикажете, повинуюсь всему, что вамъ угодно; престану мыслить о Гивиппѣ, когда вы того желаете, и посвящу Типпу сердце мое и вѣрность; но осмѣливаюсь васъ просить, чтобъ сей опытъ послушанїя моего былъ послѣдней, повѣрьте чемъ бы ни кончилась Типпова судьба, то мнѣ всегда пріятнѣе будетъ называться женою того, которой лишаясь меня, умираетъ съ печали, нежели того, которой толь скоро отъ меня отказывается.

Аристиппъ, усмотря въ сихъ словахъ нѣкоторое самолюбїе, не хотѣлъ отвѣчать на нихъ, а только далъ ей клятву, что Типпъ будетъ ея мужемъ, естьли выздоровѣетъ, и естьли ея сердце тому не противно.

Сїе

Сїе обнадеживанїе здѣлало ея откровеннѣе, и принудило признаться, что Титъ конечно бы предпочтенъ былъ, естьлибы выборъ онїъ нея зависѣлъ. Сїе признанїе такъ утвердило Аристиппа въ его намѣренїи, что только ожидалъ конца болѣзни сего кроткаго любителя, дабы объявить его своимъ зятемъ. Тѣмъ временемъ, какъ Софронїя и Аристиппъ, первая въ надежду чаемаго себѣ чрезъ сей союзъ щастїя, а другой покоя, о выздоровленїи его возсылали къ богамъ молитвы, Гизиппъ старался неотступно служить своему другу.

Весь день препроводилъ онъ между страха и надежды, и Докторы ничего добраго ему обѣщать не смѣли; но либо искусство ихъ сыскало усердство къ его спасенїю, или молодыя лѣта его перемогли болѣзнь: однако къ вечеру сталъ онъ гораздо спокойнѣе; жаръ уменьшился; а къ полу-

полуночи и со всѣмъ его истази ѣ. По утру рано Докторъ да и Гизиппу знать, что о выздоровленіи его имѣютъ надежду, естьли смертельная печаль его совершенно истребится. Гизиппъ обѣщалъ о томъ стараться, однакожъ нѣсколько дней ему не открывался, боясь, чтобъ чрезмѣрная радость того не свершила, чего печаль его произвести не могла. Между тѣмъ Аристиппъ всегда къ нему ходилъ, и говорилъ часто, что Софронія о здоровьѣ его спросить велѣла.

Титъ не хотѣлъ противиться употребляемому объ немъ старанію, хотя жизнь ему была и несносна. Слыша Софронино имя, отвѣчалъ онъ, однакожъ всегда или вздохами, или такими словами, которыя безпокойство сердца его изъявляли, и какъ Гизиппа, такъ и Аристиппа утверждали въ ихъ мнѣніи, что болѣзнь его ничемъ, какъ только спокой-

ствомъ духа пресѣчена быть можетъ. Великодушный Грекъ, не хотя долѣе удерживать бывшее въ рукахъ его цѣлительное средство, и видя въ одинъ день его слабѣе обыкновеннаго, и что онъ, нѣкоторое лѣкарство принять упрямится, подошелъ къ нему, и приказавъ всѣмъ выйти вонъ говорилъ: Любезной Титъ, мы теперь одни, я могу тебѣ открыть мое сердце, и просить, чтобъ и ты отъ меня тайности своей не утаилъ. Я принужденъ тебѣ признаться, что справедливую причину имѣю на тебя жаловаться. Могу ли я повѣрить тому, дражайшій Титъ, продолжалъ онъ, не давъ время ему отвѣчать, чтобъ ты, зная, сколько я тебя люблю, хотѣлъ прежде умереть, нежели открыть мнѣ печаль свою? Чѣмъ заслужилъ я такое обо мнѣ сомнѣнїе? Стараніе мое о твоей жизни тебѣ противно; сколько возможно, ты отрицаешся принимать то, чтобъ оную продолжить могло;

лице

лице твое многократно премѣняется, когда я къ тебѣ подойду, ты отвращаешся отъ моихъ взоровъ; и чтобъ совершить печаль мою, то ищешь только средствъ, либо отъѣздомъ изъ Аѳинъ, или прекращенїемъ жизни своей со мною разлучиться. Я въ томъ увѣренъ, и не выведешь ты меня изъ сомнѣнїя, но причину тому хотѣлъ бы я знать отъ тебя самого; чистосердечное признанїе окончитъ и твои и мои мученїя. Естьли я въ чемъ предъ тобою преступилъ, то клянусь всѣми богами оное исправить. Скажи же, любезной Титъ, естьли молчанїемъ твоимъ меня увѣрить не хочешь, что ненависть въ сердцѣ твоемъ заняла мѣсто той дружбы, которой вѣчно продолжаться надлежалс?

Титъ будучи увѣренъ сими словами, что Гизиппъ читалъ письмо его къ отцу, не думая однакожъ, чтобъ онъ зналъ о любви его, но

откровенность свою въ такомъ нѣжномъ пунктѣ почитая всегда измѣною противъ своего друга, намѣрился въ одномъ признаться, дабы тѣмъ удобнѣе другое скрыть. И такъ принявъ спокойной видъ, отвѣчалъ: неблагодарнѣйшій человѣкъ былъ бы я на свѣтѣ, естьли бы о обѣщанной мнѣ отъ тебя искренней дружбѣ усумнился помѣлъ: ни въ чемъ не виненъ ты, любезнѣйшій Гизиппъ; и не праведная ненависть никогда въ сердце мое не входила, но паче умираю съ досады, что тебѣ сказать не могъ, сколь сильно тебя люблю. Я вижу, что ты нашелъ то письмо, которое я къ отцу моему писалъ, и изъ него почерпнулъ ты мнѣ и себѣ непристойное подозрѣніе. Правда, что я хотѣлъ отсюда отъѣхать, но не могъ принудить себя сказать тебѣ о томъ, гдѣ ты не женишся, и со думая, что твоя женидьба условіе наше, чтобъ быть неразлучнымъ, раз-

разрушить; а однакожъ не въ состоянiи будучи тебѣ открыть оное, хотѣлъ просить отца моего, чтобъ онъ меня отсюда отозвалъ, а чрезъ то избавилъ бы насъ обѣихъ досады; тебя слышать, а меня сказать оное. Ахъ Титъ! сказалъ Гизиппъ ему съ жалкимъ взоромъ, которой недовѣренiе его показывалъ, не продолжай далѣе сего притворства, которое меня обижаетъ: ты довольно меня знаешь, и могъ бы увѣренъ быть, что женидьба моя не въ состоянiи премѣнить моей дружбы. Мы клялись, правда, быть вѣчными друзьями, но не обѣщались при томъ ни съ кѣмъ не соединяться; и какъ разность рода нашего, по тому что я Грекъ, а ты Римлянинъ, намъ и разныя жилища опредѣляетъ: то не могли обязаться мы и въ томъ, чтобъ быть не разлучнымъ. Хотя я люблю тебя не меньше самого себя, однако зналъ, что рокъ отлучитъ тебя

отъ моей дружбы; не меньше зналъ и ты, здѣлавшись моимъ другомъ, что мнѣ кромѣ Аѳинъ не позволено было индѣ искать моего щастія. И такъ конечно другія причины, которыя ты отъ меня скрываешь, принудили тебя къ сему намѣренію. Естьли мой бракъ съ Аристипповою дочерію тебя думать заставилъ, что я пропивъ тебя такимъ быть не могу, каковъ былъ прежде: то по что не открылъ ты мнѣ своихъ мыслей? Я вывелъ бы тебя изъ заблужденія, любезной Титъ, и помышлялъ бы прежде жертвовать тебѣ моею любовію, нежели хотя малое безпокойство тебѣ произвесть. Буде однакожъ сей бракъ тебя разстаться со мною принуждаетъ, и отъ сей разлуки ты привелъ себя въ сіе состояніе, въ которомъ теперь находишся: такъ ободрись опять, возлюбленной Титъ, и удостой меня прежней твоей повѣренности; будь при томъ увѣренъ, что я не женюсь

на

на Софронїи, и что какъ отецъ ея, такъ и я теперь инако мыслимъ.

О небо! что я слышу? вскричалъ Титъ. Такъ ты уже не любишь Софронїю? Аристиппъ не содержитъ своего слова? Софронїя противится твоему щастїю, или соперникъ какой тебѣ препятствуетъ?

Титъ выговорилъ сїи послѣднїя слова съ такою запальчивостїю, что Гизиппъ, хотя бы и не зналъ о любви его, однакожъ поревнивымъ движенїямъ его, оную усмотрѣть могъ; и не хотя умножить его изумленїя, но помалу приучить сердце его къ радости, отвративъ всѣ вредныя слѣдствїя, продолжалъ такимъ голосомъ, какимъ началъ: Аристиппъ не перемѣняетъ своего слова, говорилъ ему: дочь его мнѣ всегда мила: она безпрекословно повинуется своему отцу; но щастїю моему противится такой соперникъ, кото-

раго удовольствію я противу стоять не могу. Я за него просилъ, я ему уступилъ ея, и ждемъ только его выздоровленія, чтобъ соединить ихъ на вѣки.

Ахъ жестокой другъ! вскричалъ Титъ; по что не сказалъ ты мнѣ прежде, что ты безъ опасности жизни своей, Софронію уступить можешь?

Неблагодарной Титъ, отвѣчалъ Гизиппъ, его обнявъ, кому кромѣ тебя уступилъ бы я ея, безъ опасности моей жизни? Кто кромѣ тебя не погибнувъ отъ руки моей, захотѣлъ бы разрушить мое щастіе? Кто другой заслужилъ бы такую жертву? Одним словомъ, кто кромѣ Тита достоинъ Софроніи? И такъ, не называй меня уже жестокимъ другомъ: ты только достоинъ сего званія, продолжалъ онъ, искренне его обнявъ, по тому что отъ меня скрывалъ любовь свою. Естьли бы и

ты

ты такъ чистосердеченъ былъ, какъ я, то истребилъ бы я любовь мою въ самомъ началѣ; не узналъ бы неправеднаго твоего сомнѣнія, и твоя жизнь не была бы въ опасности.

Титъ, о всемъ, что слышалъ, находился въ такомъ чрезвычайномъ изумленіи, что ни въ состояніи былъ отвѣчать, ниже довольно имѣлъ силы воздавать Гисипу за его извѣявленія дружбы. Но какъ сей великодушной Грекъ вѣсть сію искусно сообщилъ, то имѣла она и вожделѣнное дѣйствіе. Молодой римлянинъ, коего отчаяніе тѣлесной слабости уступить принуждено было, не могъ изъясниться ни изъявленіями радости, ни сильными движеніями. Слезы только показывали различныя его чувствія: ручьями текли они по лицу его; и сіе какъ при чрезмѣрной радости, такъ и при великой печали весьма потребное облегченіе, столь сильно подѣйствовало противъ

его болѣзни, въ которую безпрестанное принужденїе его ввергло, что какъ скоро слезы его и рыданїя говорить ему позволили, такая перемѣна въ немъ видна стала, которая къ исцѣленїю его совершенную подавала надежду. И подлинно началъ онъ говорить твердымъ голосомъ, и съ пріятнымъ лицомъ смотрѣлъ на Гизиппа.

Прости мнѣ, великодушной и любезной другъ, сказалъ; прости мнѣ первыя движенїя, изумленїемъ и благодарностїю во мнѣ произведенныя; но не думай, чтобы я дѣйствїя дружбы твоей употребилъ въ мою пользу. Правда, что Софронїя плѣнила мое сердце; старанїя о преодолѣнїи любви едва во гробъ меня не вложили: но чрезъ твое усердное попеченїе получая опять жизнь, не могу оную лучше заслужить, какъ уступя тебѣ то, что мнѣ ея пріятною дѣлать. Я обо-

жаю

жаю Софронїю ; но благодарность и дружба приводятъ меня въ состоянїе отъ нея отстать. Естьли бы мнѣ то и жизни стоило, то умру я лучше нещастнымъ любителемъ, нежели неблагодарнымъ другомъ.

Такїя мысли достойны Тита, отвѣчалъ Гизиппъ съ холодностїю: но они не премѣнятъ моихъ; силы твои мнѣ теперь извѣстны; я не стану ихъ подвергать такимъ жестокимъ опытамъ. Я далъ за тебя мое слово, и получилъ Аристиппово; Софронїя знаетъ о любви твоей, соглашается за тебя итти, и я послалъ надежнаго человѣка въ Римъ къ Фулвїю, обо всемъ его увѣдомить, и испросить его соизволенїя; завтра онъ возвратится, и я увѣряю тебя предъ всѣми богами, что или я тебя увижу Софронїинымъ мужемъ, или ты меня увидишь мертва. Запальчивость, съ которою Гизиппъ сїи послѣднїя слова выговорилъ, дала

Типу

Титу довольно знать, что уже поздо было преодолѣвать его въ великодушіи; а однакожъ и не могъ толь скоро согласишися. И такъ употреблялъ все, что разумъ, пріятность краснорѣчія, и сила истины ему подать могли, чтобъ привести его на другія мысли; и не возможно описать, какой искренней, жалкой и чрезвычайной споръ происходилъ между сими великодушными друзьями о уступкѣ такого сокровища, которое обѣимъ равно драгоцѣнно было, и за которое бы они охотно пренебрегли жизнь свою. Аристипъ вошелъ къ нимъ, какъ еще въ жару сего великодушнаго спора находились; присудствіемъ своимъ онъ его не прервалъ, но предпочитая добродѣтель собственной своей пользѣ, слушалъ долго, не вступая въ разговоръ ихъ, и наслаждаясь такимъ удовольствіемъ, которое радость и удивленіе въ немъ возбужало. Но видя на конецъ, что

ни

ни одинъ изъ нихъ не хочетъ признаться побѣжденнымъ, прервалъ свое молчаніе, и взявъ обоихъ ихъ за-руки говорилъ: естьли бы мнѣ изъ васъ надлежало выбирать себѣ зятя, то былъ бы я о томъ въ наибольшемъ недоумѣніи; оба вы равныхъ достоинствъ; и не могъ бы я выбрать одного безъ обиды другаго, ниже обѣимъ отказать, не сдѣлавъ самъ себѣ обиды. И такъ когда еще въ моей власти состоитъ выбрать того, которой больше влюбленъ: то даю я слово Титу, по тому что Гизиній мнѣ признался, что онъ безъ опасности жизни своей, отъ Софроніи отстать можетъ, а Титъ сдѣлать того не въ состояніи: живите жъ рѣдкіе и великодушные друзья, Титъ какъ Софроніинъ мужъ, Гизиній какъ брать ея, а оба какъ Аристипповы возлюбленнѣйшіе дѣти.

Сіи слова окончали споръ; Гизиній казался тѣмъ доволенъ, и пока-

показалъ то изъявленіемъ благодарности своей Аристиппу: по влюбленной Типѣ, коему по сіе время великая дружба его ложно воображала, будто онъ въ состояніи преодолѣть любовь свою, сдва увидѣлъ судьбу свою утвержденною: то радость овладѣла всѣми его предпріятіями, и изображалась наияснѣйшими знаками, которые противъ воли его показывали, чтобы ему не возможно было безъ Софроніи жить. Сею истинною увѣренные Аристиппъ и Гизиппъ принуждены были оную умѣрить, пока во всемъ согласятся, а теперь бы онъ помышлялъ только о томъ, чтобъ привесть себя въ состояніе вѣнчать страсть свою. Такая пріятная надежда здѣлала въ одинъ день больше дѣйствія, нежели всѣ по нынѣ употребленныя лѣкарства; толь сильнымъ движеніямъ послѣдовавшій покойный сонъ, весьма скоро душевнымъ безпокойствомъ утомленному тѣлу возвратилъ

тилъ прежнюю его силу. День онъ дня онъ укрѣплялся; а какъ Гизипповъ посланной Фулвіево соизволеніе къ Типову съ Софроніею браку привезъ, съ тѣмъ однакожъ, чтобъ онъ ея, какъ скоро благопристойность съ Аристиппомъ и Гизиппомъ разстаться позволитъ, съ собою въ Римъ взялъ: то помышлялъ онъ только о томъ, чтобъ скоряе увидѣть сію любезную Гречанку: удовольствіе и попеченіе Гизипповы были толь дѣйствительны, что Типъ чрезъ нѣсколько дней, по полученіи соизволенія отъ отца своего, въ состояніе пришелъ выттии изъ двора.

Первой выходъ его былъ къ Аристиппу, куда Гизиппъ съ симъ не пошелъ, дабы не подвергнуть себя опять Софроніинымъ прелестямъ, и другу своему не подать подозрѣнія. Аристиппъ представилъ Типа дочери своей, какъ жениха; и сей любитель смятеніемъ своимъ, боя-

боязливостію и пылающимъ въ глазахъ его огнемъ, довольно показалъ ей разность свой и Гиппиевой любви. Аристиппъ, которой съ сего приключенія склонность сердца ея къ сему римлянину изъ попечительнаго освѣдомленія о его состояніи позналъ, и не хотя ввести ея въ стыдъ признаться въ любви своей, просилъ тушя Типа, чтобъ онъ при семъ нѣжномъ случаѣ доволенъ былъ ея послушаніемъ, и не старался бы совершенно познать ея сердце, пока она не будетъ въ состояніе приведена ему во всемъ признаться.

Сіи слова имѣли въ себѣ нѣчто толь ласкательное для сего нѣжнаго любителя; и въ самое то время Софронія взглянула на него столь пріятно, что онъ не безъ труда сохранилъ требуемую отъ него кротость.

Аристиппъ будучи не въ числѣ тѣхъ, кои великолѣпіе и избытокъ почи-

почитаютъ предвѣстниками щастія новобрачныхъ; но разсуждая, что Титово благополучіе состоитъ въ скоромъ совершеніи брака, свершилъ оной на другой день, безъ всякихъ обрядовъ. Гизиппъ не хотѣлъ Софронію прежде видѣть, пока она вѣчно не будетъ обязана Типу, сколько сей послѣдней съ Аристиппомъ его ни просили, чтобъ онъ перемѣнилъ свое намѣреніе. Но въ день брака пошелъ онъ во храмъ, и былъ Типу вмѣсто отца и друга, по тому что самъ привелъ къ нему прекрасную Софронію. Сія красавица единственно ему одолжена будучи своимъ щастіемъ, не могла безъ изъявленія радости, его видѣть. По окончаніи церемоніи, Аристиппъ взялъ Гизиппа и новобрачныхъ въ свой домъ; и тогда то показались любовь, дружба, удивленіе и откровенность въ полномъ своемъ сіяніи.

Когда уже симъ четыремъ особамъ таиться не было нужды: то

открыли они другъ другу движенїя своихъ сердецъ; и тогда то Титъ отъ самой Софронїи свѣдалъ о той склонности, которую она, въ первой разъ его увидя, къ нему почувствовала; а Гизиппъ тѣмъ довольнѣе былъ своимъ поступкомъ, когда узналъ, что въ противномъ случаѣ здѣлалъ бы онъ двухъ нещастливыми, которые на свѣтѣ ему всего милѣе были. Аристиппъ, Софронїя и Титъ показывали ему за то благодарность свою наибольшею ласкою, которую онъ внутренне предпочиталъ всѣмъ пріятностямъ любви. Титъ пробылъ еще два мѣсяца въ Аѳинахъ, ибо не могъ намѣришься, разстаться съ Гизиппомъ и его матерію, которая весьма его почитала, и Софронію всей дружбы своей находила достойною. Въ семъ пріятномъ обществѣ Титъ почти забылъ о Римѣ, какъ получилъ извѣстїе о кончинѣ отца своего.

Сїя вѣдомость была ему весьма чувствительна; и хотя онъ остался въ нещастливѣйшемъ состоянїи, однакожъ безъ прекрасной своей супруги и любезнаго Гизиппа, не скоро бы о томъ утѣшился. Сїе лишенїе было ему тѣмъ чувствительнѣе, что необходимо принуждало его разстаться съ своимъ другомъ. Сїе разставанїе было наичувствительнѣйшее хотя Гизиппъ обѣщался пріѣхать къ нимъ въ Римъ. Типъ и Софронїя просили, чтобъ онъ не перемѣнилъ своего обѣщанїя. Добродѣтельная Кризисъ такъ же имѣла участїе въ проливаемыхъ при семъ разставанїи слезахъ; а мудрому Аристиппу вся Филлософїя его была потребна, чтобъ не показать при семъ случаѣ слабостей человѣческаго естества. На конецъ видя, что продолженїе намѣренїю ихъ только препятствуетъ, насильно вырвались другъ отъ друга, съ увѣренїями вѣчной дружбы, и разстались.

И такъ повезъ Титъ супругу свою въ Римъ; гдѣ чрезвычайная красота ея, и проницающій разумъ, ей множество всякаго званія любителей приобрѣтали. Но добродѣтель ея превосходила всѣ сіи дарованія, и принудила ихъ прочія движенія сердецъ ихъ обратить въ удивленіе. Меценатъ и Агриппа ея почитали. Овидій, не смѣя воздыхать объ ней, пѣлъ ея въ стихахъ своихъ; а римскія госпожи, не возмогши ничемъ оспорить ей первенство, принуждены были искать ея дружбы. Августъ Императоръ принялъ Тита, какъ сына такого человѣка, котораго онъ весьма любилъ: удостоилъ его тойже чести, какую имѣлъ отецъ его, и пожаловалъ ему его чины.

Прекрасная Фулвія, сестра Титова, совершенно полюбила Софронію: охотно уступила ей первенство въ Титовомъ домѣ; и неразрывную

къ ней возъимѣла дружбу. Можно сказать, что сему щастливому римлянину ни въ чемъ недостатка не было, одного только не доставало Гизиппа. Онъ обстоятельно увѣдомилъ его о своемъ пріѣздѣ, о показанной ему чести и о великолѣпіи, въ которомъ онъ по чрезмѣрному своему богатству, живетъ. И подлинно былъ онъ изъ наибогатѣйшихъ жителей рима, и не рѣдко въ письмахъ своихъ давалъ ему пріятнымъ образомъ знать свою досаду, что и его щастіе столько же изобильно одарило, а тѣмъ его лишило удовольствія, раздѣлить съ нимъ свое богатство, между тѣмъ просилъ его однакожъ, чтобъ онъ хотя и не имѣетъ нужды, почиталъ сокровища его своими собственными, и распоряжалъ бы ими, какъ ему угодно.

Гизиппъ такъ увѣренъ былъ о Титовомъ чистосердечіи, что сіи

доказательства дружбы его и великодушія, принималъ съ такою радостію, будто бы находился въ состояніи оными пользоваться, и отвѣтствовалъ ему всегда съ наибольшею искренностію. Такимъ образомъ прошло почти четыре мѣсяца. Сіи друзья не переставали другъ друга любить и письменно о томъ другъ друга увѣрять. Но какъ скоро Гизиппъ отвѣтствовать перестадъ, то и Софронія о Аристиппѣ никакого извѣстія получать не стала. Титъ и Софронія, чрезъ два мѣсяца не имѣя отъ нихъ писемъ, пришли на конецъ въ крайнее безпокойство и намѣрились ѣхать въ Аѳины, какъ отъ Кривисы, Гизипповой матери, пріѣхалъ нарочно посланной, и наигорестнѣйшее къ нимъ привезъ извѣстіе.

Титовъ съ Софроніею бракъ, тайно возбудилъ Аѳинянъ противъ Аристиппа, и преимущество, которое

рое онѣ, казалось, давалъ римлянину предъ Гизиппомъ, мнилось имъ быть безчестно. Пока они еще чаяли, что Софронія достанется Греку: то скрывали свою ревность; но какъ скоро она спала Титовою женою, то зависть вышла наружу. Неблагодарной народъ искалъ съ того часа всѣхъ способовъ Аристиппа погубить, и отмстить Гизиппу, коего злодѣи поступокъ его почли за слабость и подлое угожденіе.

Но понеже ни противъ нравовъ ихъ, ни противъ должной отечеству вѣрности, ничего сказать не находили: то скрывали Аѳиняне ненависть свою до удобнаго случая. Сей случай весьма скоро сыскался къ Аристиппову нещастію, которой въ твердыхъ мысляхъ о правости своей Философіи, противныя Греческой вѣрѣ мнѣнія утверждать, и онымъ явно обучать началъ. Сего довольно было тѣмъ, которые его

погубить искали. Объявили его Еретикомъ; и понеже онъ только Философическимъ доказательствомъ своихъ мнѣній оправдаться хотѣлъ: то осудили его на смерть. Гизиппъ, наиревностнѣйшій изъ учениковъ его, отважился его защищать; и сіе чинилъ съ такою силою, что Аристиппа ненавидящіе судьи, боясь, чтобъ онъ подлость не склонилъ на свою сторону, запретили ему больше говорить. Сіе безчестіе казалось Гизиппу столь несноснымъ, что онъ, послѣдуя запальчивому своему сложенію, наиругательнѣйшія слова противъ Аѳинянъ употребилъ, которые, описавъ всѣ пожитки его, за то сослали въ ссылку, и всѣмъ гражданамъ подъ смертною казнію запретили его принимать, или хотя малѣйшее чинить вспоможеніе.

Не позволено ему было и зайти домой, проститься съ своею матеріею. Нещастной Гизиппъ огорченъ болѣе

жесто-

жестокостїю своего отечества, нежели опечаленъ бѣднымъ своимъ состоянїемъ, тогожъ часа вышелъ изъ Аѳинъ; а печальнымъ симъ приключенїемъ пораженная Кризисъ, мать его, не находила инаго утѣшенїя, какъ чрезъ нарочно посланнаго увѣдомить обо всемъ Тита.

Легко себѣ представить можно, въ какое состоянїе Тита и Софронїю ввела сїя вѣдомость. Но между тѣмъ, какъ супруга его ихъ оплакивала, онъ помышлялъ только о томъ, чтобъ, какъ можно, привести судьбу друга своего въ лучшее состоянїе; а зная, сколь искренне любитъ и почитаетъ онъ мать свою: отправилъ присланнаго съ многими служителями къ ней обратно, и приказалъ имъ привести ея въ Римъ, и стараться, сколько можно, облегчать ей трудности путешествїя. Въ тотъ же день послалъ двухъ изъ

своихъ вѣрнѣйшихъ служителей въ разныя дороги, искать Гизиппа.

Сіи приказы исполнялись съ наибольшимъ радѣніемъ, но съ лучшимъ успѣхомъ, въ разсужденіи Кризисы, нежели Гизиппа. Привезли къ нему мать сего нещастнаго: но посланные за сыномъ, чрезъ три мѣсяца возвратились назадъ, не получа объ немъ нималѣйшаго свѣдѣнія. Титъ былъ о томъ въ истинномъ отчаяніи, и едино утѣшеніе находилъ только въ томъ, чтобъ Кризисѣ усладить горестную ея судьбину. Онъ поручилъ ей власть въ своемъ домѣ. Всѣ служили ей и повиновались, такъ какъ бы она его родная мать была. Фулвія и Софронія споможествовали его великодушію, и не пропускали ни одного дня, не показавъ ей нечувствительнѣйшихъ знаковъ своей искренности, такъ что почтенная Кризисъ всеминутно признавалась, что не чувствовала бы она нималѣйшей горести, естьли бы сердце

це ея только Гизиппа забыть могло, и что Титъ нашелъ средство, здѣлать ея въ старости вторично матерію, возбудя въ сердцѣ ея такія же движенія, какія натура въ нея къ родному сыну ея вліяла.

Между тѣмъ, какъ сіи четыре особы ни о чемъ, кромѣ Гизиппа не помышляли, и ни о чемъ кромѣ его не говорили: сей нещастной провождалъ бѣдственную жизнь свою въ такихъ мѣстахъ, въ коихъ наиудобнѣйше сную скрыть могъ. Онъ помышлялъ хотя нѣсколько разъ итти къ Титу, надѣясь, что сей искренній другъ не допуститъ его ни до какого недостатка: но робость съ бѣдностію всегда соединенная, такъ овладѣла умомъ его, что онъ при семъ опроверженіи своего щастія, столько теперь боялся Тита, сколько въ другое время видѣть его желалъ. Какъ могу я, говорилъ, показаться Титу въ такомъ бѣдственъ-

ственномъ состоянїи? похочетъ ли онъ узнать нещастнаго, изгнаннаго друга, не имѣющаго и необходимѣйшихъ вещей въ сей жизни? Какую честь принесетъ ему ссылочной человѣкъ безъ помощи и безъ покрова, коего дружбы болѣе убѣгать, нежели искать должно? Тотъ воспитанный въ великолѣпїи, имѣющїй неисчетное богатство, и провождающїй жизнь свою въ изобилїи и роскоши, не устыдится ли, услыша Гизиппа при врашахъ дому своего копїюща, что онъ тотъ другъ, которой, для сохраненїя жизни его, лишилъ себя того, что ему на свѣтѣ наилюбезнѣйшее было? Приличны ли такїя слова устамъ нещастнаго? Чѣмъ бы любезное напоминанїе возбудиться могло? естьли бы я еще въ такомъ же благополучномъ состоянїи находился, въ какомъ онъ: то самое назовется въ теперешномъ бѣдствїи моемъ безстыдною укоризною. И еще по чему знать,

таковъ ли Титъ въ Римѣ, каковъ былъ въ Аѳинахъ? Нѣтъ, не подвергну себя новымъ ругательствамъ; и чтобъ не имѣть причины мнѣ противъ Тита перемѣниться, не стану искушать его добродѣтели. Воображеніе, которое я себѣ о немъ дѣлаю, питаетъ меня въ моемъ несчастіи: лучше буду думать, что единственно въ моей волѣ состоитъ, сдѣлаться участникомъ его благоденствія, нежели испытать тому противное, которое бы со стыда и печали меня во гробъ ввергло.

Въ такихъ размышленіяхъ Гизиппъ провождалъ дни свои, и съ симъ намѣреніемъ скрытно странствовалъ по Азіи, снося все бѣдствіе свое терпѣливно. Между тѣмъ натура многажды смущала духъ его. Престарѣлая, дряхлая, въ бѣдности находящаяся Кризисъ, непрестанно представлялась глазамъ его. Судьба сей любезной матери была

сердцу

сердцу его толь жестокимъ зракомъ, что онъ преодолѣвалъ себя всегда, подобно такому человѣку, которой помощію рукъ своихъ и съ наибольшимъ трудомъ избавляется отъ потопленія, покрытъ мертвою блѣдностію. На конецъ почти цѣлой годъ претерпѣвъ все то, что бѣдность наинесноснѣйшаго въ себѣ имѣетъ, изъ оставшагося еще животолюбія обратилъ глаза свои къ Риму; и при наибольшей нищетѣ своей, все представилось ему не такъ, какъ съ начала нещастія своего, онъ себѣ воображалъ. Чаялъ, что упрямымъ удаленіемъ своимъ весьма долго обижалъ Тита; и что онъ справедливую причину имѣетъ на него жаловаться, для чего въ крайней бѣдности своей къ нему не пришелъ. Естьли онъ меня еще любитъ, говорилъ, то не чего мнѣ бояться; а естьли перемѣнился, то отчаяніе о неблагодарности его, окончитъ жизнь, которая мнѣ и безъ

того

того не сносна. Съ симъ намѣренїемъ пошелъ онъ въ Римъ; и по неисчетнымъ трудностямъ, на конецъ въ него прибылъ, но въ такомъ жалостномъ состоянїи, что не могъ принудить себя показаться въ немъ въ Титовомъ домѣ. Въ семъ предпрїятїи утверждалъ онъ себя нѣсколько дней; а на конецъ утвердившись, становился въ такихъ мѣстахъ, гдѣ Титу или въ судебное мѣсто, или къ Императору ѣхать надлежало: выходилъ нѣсколько разъ предъ него, такъ что ему необходимо видѣть его надлежало. Но Титъ ошнюдь не воображая себѣ, чтобы то былъ возлюбленной его Гизиппъ, коего въ такомъ худомъ рубищѣ видитъ, проѣжжалъ всегда безъ наималѣйшаго примѣчанїя. Нещастнымъ все чувствительно: сїе равнодушїе почелъ Гизиппъ за презрѣнїе, думая, что Титъ конечно его узналъ; но по бѣдному состоянїю его, сердце его отъ него отвратилось.

Отъ

Отъ сего впалъ онъ въ наиужаснѣйшее отчаяніе, и природная запальчивость его, которая всегда въ принятіи намѣреній дѣлала его поспѣшнымъ, соединясь съ жестокостію его судьбины, заставила проклинать его дни свои. И такъ пошелъ, не зная самъ куда, и шелъ во всю ночь съ нѣмъ только намѣреніемъ, чтобъ умереть: на конецъ увидя на дорогѣ развалившейся домъ, вошелъ въ него, чтобъ укрыться отъ мимоходящихъ. Но отошедъ нѣсколько шаговъ, почувствовалъ нѣчто лежащее на дорогѣ, которое итти ему препятствовало. Наклонился ощупать, что такое было, и нашелъ человѣческое тѣло безъ всякаго движенія, о которомъ по оставшейся теплотѣ, онъ разсудилъ, что сей человѣкъ еще живъ, или не давно умеръ.

А чтобъ подлиннѣе въ томъ увѣриться, и нѣкоторую помощь ему дать, ибо нещастіе не истре-

било

било жалости его сердца, вытащилъ его изъ сихъ развалинъ, и при ясности неба, усмотрѣлъ, что сей человѣкъ отъ многихъ ранъ не давно испустилъ свое дыханіе.

Сей зракъ, которой естественно не могъ ничего произвести, кромѣ ужаса, имѣлъ въ Гизипповомъ умѣ весьма иное дѣйствіе: ибо симъ приключеніемъ получа вожделѣнный случай, дать отчаянію своему свободное теченіе, благодарилъ богамъ, что они привели его на сіе мѣсто, и твердо вообразивъ себѣ, что не избѣжитъ смерти, естьли за убійцу сего гораздо богато одѣтаго человѣка признанъ будетъ, вынулъ свою шпагу, и обагривъ ея кровію умершаго, принялъ на себя видъ убійцы, которой злодѣйствомъ своимъ пользоваться хочетъ, дабы ночной обѣздъ, которой симъ мѣстомъ поѣденъ, его, какъ преступника, поимать могъ. Сіе нещастное предпрія-

И

пріятіе имѣло желаемой успѣхъ. Объѣздъ на разсвѣтѣ ѣхалъ мимо сихъ развалинъ, и увидя мертвое тѣло и человѣка, которой старается укрыться, взяли его, и тотчасъ отвели къ Префекту Варрону, шляхетному и славному римлянину, которой тогда сей чинъ имѣлъ. Хотя Гизиппъ находился въ такомъ состоянїи, которое больше сожалѣнїя, нежели удивленїя заслуживало; однако молодость его, благородной видъ и непремѣнное великодушїе, коего печальное состоянїе истребить не могло, привели его въ размышленїе, по тому что онъ ничего злодѣйскаго въ немъ не находилъ. Когда я разсматриваю лице твое, говорилъ ему, то кажется ты мнѣ не въ состоянїи произвесть такое злодѣйство; но когда посмотрю на бѣдность твою, которую наружной видъ твой показываетъ, думаю, что сїя бѣдность тебя къ тому привела: скажи мнѣ правду, что принудило

нудило тебя къ такому злому дѣлу ? Естьли бы я хотѣлъ жить, отвѣчалъ Гизиппъ, то употребилъ бы въ пользу себѣ хорошее твое обо мнѣ мнѣнїе, и старался бы оправдаться ; но почитая смерть себѣ за благодѣянїе, ничего больше не скажу, какъ только, что я умертвилъ сего человѣка ; а вы, когда меня въ самомъ дѣлѣ поймали, долженъ приговорить меня къ смерти. Сей неустрашимой отвѣтъ привелъ Варрона и всѣхъ при томъ бывшихъ въ изумленїе : каждой былъ о томъ въ беспокойствїи, и Префектъ находился въ недоумѣнїи, какъ въ самое то время Типъ, ѣдучи мимо его двора, и увидя множество народа, спросилъ о причинѣ сего собранїя. Пересказали ему слова сего злодѣя, которыя возбудили въ немъ любопытство, его видѣть : для того вошелъ онъ въ домъ, и подошелъ, сколь можно ближе, къ Префекту. Но каково было ему, какъ онъ

обративъ любопытные взоры свои на мнимаго злодѣя, узналъ въ немъ Гизиппа!

Бѣдное состоянїе его не позволяло сомнѣваться ему о его преступленїи: но время было весьма драгоцѣнно, и онъ не хотѣлъ тратить его въ разсужденїяхъ, виновенъ ли онъ былъ, или нѣтъ: но узнавъ въ немъ наилучшаго своего друга, намѣрился тотчасъ или его избавить, или самъ напередъ лишиться жизни. Постой, Префе́ктъ, вскричалъ онъ, постой, не осуждай невиннаго. Я привелъ къ тебѣ преступника: я въ нынѣшнюю ночь умертвилъ сего человѣка, и умирающаго оставилъ его предъ развалинами; сей незнакомой нималаго участїя не имѣетъ въ семъ дѣлѣ; я не знаю, какимъ случаемъ онъ найденъ при семъ убитомъ; и не знаю, какая причина принуждаетъ его признаваться въ такомъ преступленїи, котораго онъ

не

не учинилъ; знаю только, что я здѣлалъ сіе смертоубивство.

Едва Титъ говорить началъ, то Гизипъ взглянувъ на него, узналъ и по лицу и по словамъ въ немъ прежняго своего друга: позналъ изъ поступка его непремѣнную его любовь къ себѣ, видя, что онъ для избавленія его, вину его на себя приемлетъ, и чтобы онъ не попрощивился его смерти, естьли бы узнанъ его не хотѣлъ. Сей великодушной поступокъ его тронулъ, и думая, что онъ подлинно учинилъ сіе смертоубивство, принялъ на себя видъ не такого преступника, которой спчаяніе свое скончать хочетъ, но такого человѣка, которой жизнь толь совершеннаго друга спасти старается. Въ толь важныхъ обстоятельствахъ не долго онъ размышлялъ: но не давъ Варрону времени опвѣщевать, говорилъ громкимъ голосомъ: не вѣрь ему, Варронъ: сіи

Римлянинъ имѣетъ тайныя причины такъ говорить, или можетъ быть жалость склоняетъ его взять на себя мое преступленіе. Однакожъ то правда, что онъ тому не причастенъ, и что при семъ чрезвычайномъ спорѣ все за меня и противъ меня доказываетъ: за меня, по тому что я имѣю причину говорить правду; а противъ меня, по тому что по сей правдѣ смертная казнь мнѣ слѣдуетъ. Одного меня нашли при мертвомъ тѣлѣ, и моя кровію его обагренная шпага не оставляетъ тебѣ нималѣйшаго больше сомнѣнія.

Она моя, пресѣкъ Титъ рѣчь его: я уронилъ ея при семъ убитомъ, и въ ночной темнотѣ сыскать ея не могъ. Ахъ! Титъ, вскричалъ Гизиппъ, уступи мнѣ честь спора. Жестокой Гизиппъ, отвѣчалъ Римлянинъ, или ты никогда не престанешь меня побѣждать? Во время сего чрезвычайнаго спора находился Варронъ

ронъ въ необычайномъ смущенїи ; смотрѣлъ то на того, то на другаго, и слушалъ ихъ съ тѣмъ бо́льшимъ удивленїемъ, что не могъ понять, для чего такой знатной человѣкъ, какъ Типъ, толь ревностно вступается лишенїемъ жизни своей доказать невинность такого бѣднаго, каковъ Гизиппъ. Въ то время находился въ семъ собранїи молодой человѣкъ, именемъ Публїй, которой многими роду своему безчестными дѣлами былъ извѣстенъ, и за честь себѣ ставилъ, быть въ числѣ негодныхъ и продерзливыхъ молодыхъ людей. Титовъ съ Гизиппомъ споръ его тронулъ. Великодушной сей примѣръ возбудилъ совѣсть его ; онъ протѣснившись сталъ предъ Варрономъ. Я разрѣшу сей споръ, говорилъ ; взгляни на сїю руку ; [которая у него была обвязана] ; она покажетъ тебѣ виновнаго между невинными. Ни Типъ, ни сей чужестранецъ не здѣлали сего смерто-

убѣжища. Я въ нынѣшнюю ночь въ пьянствѣ бился предъ развалинами съ другомъ моимъ Трифенѣемъ: я его закололъ и вташилъ въ сіи развалины: сія рука доказываетъ его супротивленіе; и какъ сей поединокъ для меня былъ безчестенъ, то никогда бы я тѣмъ не похвалился, естьлибы Титъ и сей чужестранецъ, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ толь упорно себя не обвиняли въ такомъ преступленіи, въ коемъ они нималѣйшаго участія не имѣютъ.

Когда начáло сего приключенія Варрона привело въ удивленіе: то конецъ его еще больше умножалъ смущенія его, видя трехъ преступниковъ, кои всѣ въ одной винѣ съ такимъ мужествомъ и съ такою твердостію себя обвиняли, съ какою бы другіе невинность свою доказать старались, почелъ сіе дѣло весьма трудньмъ, и не хотѣлъ рѣшить его по своей собственной проворливости,

но

но велѣлъ всѣхъ трехъ мнимыхъ преступниковъ отвести предъ судъ, и все сіе приключеніе донесъ Императору. Августъ весьма почитая великодушныя дѣла, велѣлъ всѣхъ трехъ привести предъ себя, и взглянулъ на нихъ съ тою величественною милостію, которая всѣхъ сердца къ нему привлекала: Я не сомнѣваюсь, говорилъ имъ, что одинъ изъ васъ виноватъ; но признаніе ваше, въ которомъ каждой изъ васъ беретъ вину на себя, чтобъ тѣмъ спасти другаго, имѣетъ въ себѣ нѣчто толь великое, что безчестно было бы кого ни будь изъ васъ ссудить: и такъ обѣщаю я Трифенѣеву усѣкновѣ прощеніе, кто бы изъ васъ тѣмъ ни былъ; однакожъ въ благодарность за сію милость, скажите мнѣ сію чудную тайну. Говори, Титъ, открой мнѣ, для чего тебѣ жизнь твоя столь противна, что ты ея за сего бѣднаго человѣка отдать хочешь?

Всемилостивѣйшій Государь, отвѣчалъ Типъ! сей, котораго вы бѣднымъ называете, скрываетъ въ сей гнусной одеждѣ истинныя сокровища человѣческія, добродѣтель и науку. Онъ Кремссовъ сынъ, тотъ Аѳинянинъ, тотъ ученикъ нещастнаго Аристиппа, тотъ любезнѣйшій мой другъ, однимъ словемъ, тотъ Гизиппъ, о которомъ я толь часто съ вами говаривалъ, котораго я повсюду искалъ, котораго годъ цѣлой ждалъ, и котораго почитаю драгоцѣннѣе всѣхъ моихъ сокровищъ, естьли прекратить нещастіе его въ состоянїи буду, по тому что отъ его рукѝ я получилъ Софронїю, которою жизнь мою почитаю щастливою. Изъ сего великодушнѣйшій Августъ довольно познаете тѣ причины, которыя принудили меня признаться въ такомъ приступленїи, въ коемъ я невиновенъ. Я почелъ его винным, и думалъ, что непрїязненной рокъ его принудилъ

дилъ умертвить Трифенїя; и смерть казалась мнѣ пріятною, естьли я тѣмъ Гизиппа спасти могу.

А ты, сказалъ по семъ Августъ Гизиппу, за тѣмъ ли пришелъ въ мое владѣнїе, чтобъ искать себѣ смерти, будучи другъ Титу? или ты не зналъ, что Августъ во всякомъ состоянїи добродѣтель награждаетъ? Отчаянїе меня ослѣпило, отвѣчалъ Гизиппъ. Изгнанїе и нищету сносилъ я безъ роптанїя, но не могъ вообразить себѣ лишенїя Титовой дружбы, не возненавидя жизни своей. Утомясь, для сокрытїя безчестїя моего и бѣдности, бродить изъ провинцїи въ провинцїю, изъ города въ городъ, намѣрился на конецъ итти въ римъ, и узнать, не постыдится ли Титъ нищаго признать своимъ другомъ? Часто казался я глазамъ его: иногда у воротъ дому его просилъ милостыни, и видѣлъ, что онъ на меня обра-

обращалъ глаза свои, но скоро опять ихъ отвращалъ, какъ отъ недостойнаго человѣка. Признаюсь, Всемилостивѣйшій Государь, я почелъ себя презрѣнна, и что онъ только притворяется, будто меня не знаетъ, дабы въ бѣдности моей помочь мнѣ не быть принужденну. И такъ шелъ я исполненъ ярости и печали, не зная самъ куда, до самой развалины; нашелъ на откровавленное Трифоніево тѣло, и почитая сей случай надежнымъ къ окончанію моей жизни, объявилъ себя его убійцею; и уже чаялъ близокъ быть къ щастливому концу моего предпріятія, какъ великодушной Титъ объявленіемъ себя самаго, извлекъ меня изъ исправеднаго моего подозрѣнія. Я чаялъ, что онъ говоритъ истинну, однакожъ поступокъ его былъ мнѣ тѣмъ не меньше милъ, и дружба его искренняя, что онъ, естьли бы и виноватъ былъ, могъ бы не признаться,

и

и меня оставить моему року. Радость и благодарность мною овладѣли: уже не изъ отчаянїя желалъ я смерти, но чтобъ спасти тѣмъ моего друга. Между тѣмъ боги зжалились на мою бѣдность, и даровали мнѣ опять Тита непорочна и вѣрна. Ахъ несправедливой другъ! сказалъ Титъ, въ состоянїи ли Титъ ненавидѣть сына, которой матери въ домѣ своемъ даетъ совершенную власть, и съ нею все имѣнїе свое дѣлитъ? Что? Кризисъ въ римѣ? пресѣкъ Гизиппъ рѣчь его. Кризисъ еще жива, и утѣшенїемъ своимъ обязана моему любезному Титу? При сихъ словахъ оба друзья другъ друга искренне обняли, и все собранїе съ ними пролило радостныя слезы.

Симъ рѣдкимъ согласїемъ удивленный Августъ, показывалъ о томъ свое благоволенїе, и публично сказалъ, что онъ сей день наилучшимъ

шимъ въ жизни своей почитаетъ, бывъ свидѣтелемъ въ немъ такой неслыханной дружбы и добродѣтели. По томъ обратился къ Публію: Я подтверждаю твое прощеніе, сказалъ ему; ты заслужилъ оное тѣмъ, что признаніемъ своимъ вывелъ истинну изъ наибольшаго сомнѣнія; соверши начатое, подражай симъ двумъ друзьямъ, обратись отъ заблужденія, познай драгоцѣнность такого сердца, на которое положиться можно, сравни злость свою съ ихъ добродѣтелію. Титъ и Гизиппъ почитали другъ друга виновнымъ, и хотѣли одинъ за другаго умереть; Трифеній былъ тебѣ другъ, а ты его умертвилъ. Смотри, какая разность въ людяхъ, и въ какія пропасти ввергаетъ необузданная роскошь. Виноватой Публій, будучи сими словами, и всѣмъ симъ приключеніемъ чувствительно тронутъ, палъ къ Императорскимъ стопамъ, и обѣщал-

ся

ся исправиться. Похвалами и честїю превознесенные друзья, отдавъ Императору должное благодареніе, вышли изъ суда, при радостномъ восклицаніи всего народа.

Титъ отвезъ Гизиппа въ свой домъ, въ коемъ всѣ о семъ нечаянномъ приключеніи были въ несказанной радости. Софронія приняла его какъ любезнаго брата; почтенная Кризисъ обнимала его какъ искренняя мать, которая ничего, кромѣ возвращенія его, не желала; прелестная Фулвія изъявляла чувствительность свою слезами, и великодушная жалость ея, умноживъ силу ея пріятностей, такъ уязвила Гизиппово сердце, что онъ почувствовалъ, что хотя могъ прежде уступить Софронію, однако безъ Фулвіи жить не можетъ. Всѣ сіи движенія примѣчающій Титъ, усмотрѣлъ то съ великою радостію, и желая какъ Грецію, такъ и нещастія его при-

привести ему въ вѣчное забвеніе, женилъ его на сей прекрасной римлянкѣ, которая искреннею любовію своею и добродѣтелію, его и Тита признаться принудила, что первое щастіе въ сей жизни состоитъ въ снисканіи истиннаго друга, а другое въ сожитіи вѣрной супруги.

КОНЕЦЪ.

Инв. 18990

Б. IV 6/49

3/49